

ОЛЬГА БОРИСКОВА
ТАТЬЯНА МИНАЕВА

Висота Годинокесства

Все
за
мечту

Любовь на льду

Ольга Борискова

Высота одиночества. Все за мечту

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Борискова О.

Высота одиночества. Все за мечту / О. Борискова —
«Издательство АСТ», 2023 — (Любовь на льду)

ISBN 978-5-17-153768-5

Рината с Игорем готовы выйти на главные соревнования в их жизни. Игорь был уверен, что Рината приведет его к славе и заветному золоту на Олимпийских играх. Но незаметно девушка стала смыслом жизни... У Ринаты одна цель – любой ценой выиграть соревнования и отомстить людям, которые разрушили ее жизнь. И она готова на все ради этого. И, кажется, даже Игорь не в силах ее остановить. Получится ли сохранить любовь?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153768-5

© Борискова О., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	35
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ольга Борискова, Татьяна Минаева

Высота одиночества. Все за мечту

Все герои вымышлены.

Любое совпадение с реальными людьми случайно.

Copyright © Ольга Борискова, Татьяна Минаева, 2023

© Скорикова Мария, иллюстрация на обложку 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Москва, октябрь 2013 года

Ее детство прошло на этом катке. Он помнил ее слезы и радостный смех – не забыл ссадины и синяки, первые победы и поражения. Под его сводами – гладкий лед, отражающий всю ее жизнь. Жизнь, о которой она не хотела вспоминать. Но теперь, ведомая стремлением добиться высот, Рина возвращалась к тому, с чего начинала: в школу фигурного катания Аллы Богославской. Вывеска с изображением медали с цифрой один мелькала в мыслях Ринаты сотни раз. Большое двухэтажное здание бежево-коричневого цвета когда-то казалось ей раем на земле, местом, где к ней относились с любовью. Здесь у нее было все, что она только хотела.

Все, кроме самого важного, – семьи.

Ринату передернуло, стоило только подумать об этом.

Девушка вылезла из автомобиля Игоря и, дождавшись, пока партнер, забрав сумки, подойдет к ней, наивно спросила:

– Николай Петрович не поправится до чемпионата России?

Игорь вздохнул и застегнул куртку, пытаясь спрятаться от пронизывающего морозного ветра.

– Маргарита Николаевна говорит, что завтра мужа переводят в обычную палату, и мы сможем навестить его. Он выздоровеет, но о тренерской деятельности не может идти и речи. Несколько месяцев – точно, да и после...

Рината в ответ кивнула и сделала уверенный шаг к лестнице, но Игорь остановил девушку, взяв за руку.

Холодные пальцы мигом сплелись с пальцами Игоря и крепко сжали.

– Рин...

– Все хорошо, – прошептала она, крепко стискивая ладонь парня.

Нет. Нельзя показывать, как она боится. Даже Игорю. Хотя он видит ее насквозь. Что уж тут...

– Тогда пойдем? – не отпуская ее руки, сказал Игорь и повел Ринату в школу.

– Э-э-э... А вы каток случайно не перепутали? – Титова встретила молодых людей непонимающим взглядом. Она, уже облаченная в тренировочную одежду и готовая отправиться в тренажерный зал, пристально смотрела на незнакомых, по ее мнению, гостей.

– Не перепутали, – сказала Рината и сделала шаг по направлению к раздевалке, но бывшая подруга, похоже, принимать этот ответ не хотела.

Грубо схватив Ринату за локоть, она воскликнула:

– Не поняла?!

– Что тебе непонятно? – зло выговорила Рина, передернув плечом. – Мы с Крыловым теперь тренируемся здесь.

– Врешь! Алла Львовна не могла...

– Рината ничего не придумала, Анна.

Рината вздрогнула при виде Богославской, возникшей за спиной Титовой. Однако не смогла посмотреть ей в глаза. Впрочем, Алла тоже.

Она поздоровалась с Игорем кивком головы и продолжила:

– С сегодняшнего дня Рината и Игорь будут тренироваться в нашей группе.

– Но...

– И это не обсуждается! – звонкий голос Аллы эхом разнесся по коридору.

Рината невольно подняла на женщину глаза. Где-то, глубоко на задворках памяти, мигом спроецировались сотни моментов, когда она слышала строгий тон, означающий, что решение не обсуждается. Прежде Ипатова считала, что мнение тренера – единственно верное, и никогда не спорила с Богославской. Полностью вверяла ей жизнь, а уж как этой жизнью воспользовались... Но что ей делать? Перечить Алле по каждому поводу? Изводить и себя, и Богославскую, и Игоря? Куда приводят стычки в рабочее время, ощутить она вместе с партнером успела давным-давно. Поэтому ради цели – ради них самих – надо постараться отбросить личное и сосредоточиться на работе.

Рината поймала презрительный взгляд Титовой и широко улыбнулась. Пусть знает – она ничего не боится.

Прошипев что-то невнятное, Аня сорвалась с места и скрылась за дверью.

– Переодевайтесь, и на разминку, – скомандовала Алла и ушла.

– Хорошая встреча, ничего не скажешь, – наконец подал голос отмалчивавшийся Игорь.

– Добро пожаловать домой! – нарочито громко, с чуть уловимой насмешкой, выпалила Рината и повела Игоря к раздевалкам.

Где-то в глубине души она была благодарна Богославской: ведь та сразу установила общение на уровне «тренер – спортсменка». Если бы она полезла к девушке с разговорами, сосредоточиться на работе оказалось бы куда сложнее, а Рина не хотела тратить силы на оборону собственных чувств. Хватит. Из-за этих людей она то и дело совершает недопустимые ошибки. Но если спустя несколько дней Алла решит переступить запретную черту?

Стянув через голову свитер, Рината кинула его на скамью. Не важно. У них с Игорем есть цель, и только она должна иметь значение для фигуристов и новоиспеченного тренера.

А если Богославская однажды позабудет об этом, Рина непременно ей напомнит.

– Рината, приземление очень грязное! Попробуйте снова, – Богославская изо всех сил старалась придать голосу невозмутимый тон, что у нее неплохо получалось, хотя и не отменяло факта, что внутри ее всю колотило.

Слишком непривычно опять давать указания Рине и видеть ее на льду своей школы. Все почти как раньше. Но Рината уже другая. Не сияющая девочка, стремящаяся все делать по высшему разряду, ловящая каждое слово Аллы. Теперь каждое замечание она принимала в штыки, но упорно терпела, лишь гневно стреляла глазами, а потом молча отворачивалась.

Вот и сейчас, отъехав на пару метров от партнера, Рина громко выдохнула. Простояла несколько секунд, и, вернувшись, взяла Игоря за руку.

Нельзя не признать, что пара смотрелась так, что захватывало дух. И не только на льду. От избалованного мальчишки, который по глупости упустил шанс на золото Ванкувера, не осталось и следа. Алла увидела в Игоре взрослого рассудительного мужчину, которому бы без раздумий доверила самое дорогое, что имела в жизни – родную дочь.

Взмахом руки Алла велела спортсменам начать прокат заново. Теперь тройной лутц был исполнен так, будто на льду находился один человек, а не пара. Игорь и Рината продолжили тренировочный прокат, а Богославская, застыв у борта, думала о том, какого прогресса они достигли с контрольных прокатов. Сейчас вообще не чувствовалось, что на льду – два одиночника. Они сливались друг в друга, в движениях появилась парность, что было заметно не только в красивых высоких прыжках: остальные элементы, прежде весьма посредственные, исполнялись на высоком уровне. Разве что поддержка... Рината в очередной раз напряглась перед тем, как Игорь подхватил ее и поднял над головой. Элемент казался натужным и выделялся из общего образа, заданного в программе.

Богославская дождалась, пока музыка закончится, и подозвала фигуристов.

– Что скажете? – спросил Игорь, когда перевел дыхание.

– Вы достигли огромного прогресса, – призналась Алла.

– Но этого недостаточно, – Рина схватила с борта бутылку воды и сделала несколько глотков. – Мы должны стабилизировать аксель, – Ипатова многозначительно посмотрела на Богославскую.

– Мало ты об него убивалась, – Алла бросила на Ринату недовольный взгляд.

– С Николаем Петровичем мы восстановили прыжок. На тренировках он получается, но на соревнованиях... – Рина поджала губы. – Вы ведь понимаете, Алла Львовна, нам без акселя нечем крыть. Так мы на Олимпиаде и в десятку не попадем. Мы же новодел. Нас с легкостью засунут под какую-нибудь третью американскую пару.

– Надо еще пройти отбор на Олимпиаду, Рината, – напомнила Алла. – Давайте двигаться поступательно. В начале декабря этап Кубка России, нужно быть увешанным призами, чтобы прорваться дальше. Для начала хорошего старта вам вовсе не обязательно прыгать аксель.

– Мы будем его прыгать на любых соревнованиях! – не выдержав, воскликнула Рината. – Чтобы все понимали – мы намерены побеждать! – она смотрела Алле прямо в глаза. – Я хочу выиграть Олимпийские игры.

– Поэтому и важно отработать все элементы, составляющие программу. А у вас, кроме прыжков, нет ничего особенного.

– Вот поэтому мы должны выполнить самый сложный прыжковый набор, на который способны. Действовать на пределе возможностей. Верно? – вопрос был обращен к Крылову.

Игорь, прислонившись к бортику, слушал разговор, задумчиво рассматривая узоры, оставленные на льду лезвиями коньков.

– Верно, – вздохнул он, даже не соизволив поднять голову.

– Ладно. С завтрашнего дня начнем тренировать аксель. На сегодня прокаты закончены.

Рината сразу же ушла со льда, надела чехлы на лезвия и скрылась под трибунами. Алла подавила желание последовать за ней. Зачем? Чтобы получить полный ненависти взгляд и порцию колючих слов?.. Рината не услышит ее, что бы Богославская ни сказала, причем пока сама не захочет. И что теперь остается? Просто ждать. Терпеть и, как бы ни приходилось тяжело, пытаться быть рядом с девочкой.

Как бы ни старалась Рината, Алла не перестанет любить ее.

Рина – ее дочь, и это – навсегда.

Повернувшись к Игорю, Алла улыбнулась:

– Вы отлично сегодня поработали, молодцы.

– Алла Львовна, как вы полагаете, у нас есть будущее в качестве пары? – поинтересовался парень совершенно серьезно.

Алла подняла голову и встретила с серыми глазами Крылова. В его взгляде сквозила растерянность. Будто он не понимал, куда идти и что делать, заблудился в своих чувствах и понятия не имеет, как поступать дальше.

– У вас есть все шансы на победу. А у тебя имеются сомнения? – задала вопрос Алла, но не получила ответ.

Игорь неопределенно мотнул головой, бросил «спасибо» и удалился.

За что благодарил? За то, что не бросила и предложила помощь? Или же за веру? Но в кого? В Ринату...

Рината.

Алла опустила на скамейку и сложила руки на коленях. Что делается с ее собственной жизнью?..

Так уж сложилось, что впервые с дочерью она встретила спустя пять лет после рождения. Всегда считала, что у матери с ребенком есть внутренняя связь, позволяющая узнать друг друга из тысячи – из сотни тысяч – почувствовать сердцем, понять, что рядом стоит родной

человечек. Но нет, Алла увидела в пятилетней девочке уменьшенную копию мужчины, которого предпочла бы забыть. Рината безумно походила на Бердникова. Тот же взгляд и черты лица, прямые черные волосы и привычка кривить губы.

Алла порой всерьез думала, что он отдал ей на воспитание ребенка от любовницы. И тогда становилось еще невыносимей. Нетрудно было подсчитать, что Рината являлась ровесницей их умершего новорожденного сына, а это означало – Богославская у Бердникова отнюдь не единственная. Получалось, что Владимир крутил роман с кем-то еще, обманывая Аллу, и в итоге ненависть к нему лишь усиливалась.

Поэтому в первые годы Алла относилась к Рине холодно. Та была очередным напоминанием о прошлом.

Кто же знал, что девочка и была ее прошлым!

Размышления Аллы прервали вышедшие на лед Аня с Матвеем. Тренер поднялась и шагнула к бортику. Титова хмурилась и явно выказывала недовольство. Зато Матвей...

Алла опять задумалась над тем, что у мальчика огромное терпение, которое и позволяет паре побеждать.

– Алла Львовна! Мы начнем тренировку?!

Богославская посмотрела на лед и кивнула, прогоняя совершенно неуместно всплывшее воспоминание. Три недели до Ванкувера. День, когда ее мир рухнул...

Москва, январь 2010 года

– Алла Львовна! Мы начнем тренировку? – Рината в несколько подсечек приблизилась к борту и широко улыбнулась.

– А тебе не терпится, – не удержалась от ответной улыбки Богославская. Она завершила телефонный разговор и не заметила, что Рина уже выскочила на лед. Алла засунула мобильный в карман распахнутого бежевого пальто и хлопнула в ладоши.

Ринка наморщила носик и, оттолкнувшись от борта, резво покатила вдоль катка.

После звонка Крестова у Аллы появилось странное предчувствие. Всеми силами она гнала тревогу, которая, словно паутина, плотно окутала ее и не давала вырваться на свободу. Несколько минут назад Дима сообщил, что им нужно встретиться и, вопреки отговоркам Аллы, сказал, что скоро приедет в школу.

Что им опять нужно от нее?

Рината пронеслась мимо Аллы, завладев ее вниманием. На высокой скорости зашла на тройной аксель и, продемонстрировав чистое приземление, победно вскинула руки. Богославская покачала головой. Девочка – просто чудо. Только что выиграла чемпионат Европы с заоблачными баллами, и теперь мир следил за подготовкой спортсменки к Олимпийским играм в канадском Ванкувере. Алла пыталась оградить подопечную от всего этого, призывала не читать хвалебные отзывы в Интернете, но как, если сеть пестрила статьями об уникальности Ринаты Ипатовой? Позавчера приезжал федеральный телеканал и снимал репортаж о юной звездочке, мечтающей выступить на своей первой Олимпиаде.

Рината продолжала штамповать прыжки в разминочном режиме, Алла останавливала ее, подзывала, вносила корректировки. Рина, внимательно выслушав, молча все делала и была настроена решительно. Богославская боялась загадывать – Олимпийские игры коварны, но, если подопечная сделает именно все так, как умеет...

– Она изумительна, – сказал Крестов и остановился рядом. Не поворачивая головы к Алле, он наблюдал за Риной.

– Ты быстро, – не глядя на него, проговорила Алла. – Что-то срочное?

Дмитрий как-то странно посмотрел на нее и вновь перевел взгляд на лед. Богославская с удивлением поняла, что от мужчины пахнет крепким алкоголем. Он не был пьян, однако нехорошее предчувствие, появившееся после звонка, усилилось.

– Срочное... нет. Скорее, единственно важное.

– Объясни.

Алла нахмурила светлые брови. Внезапно ей стало холодно. Поежившись, Богославская запахнула пальто и туго перевязала на тонкой талии. Спрятала руки в карманы.

– Посмотри на девочку... – Дмитрий кивнул на буквально парящую на льду Ринату. – Она тебе никого не напоминает?

– А что, должна напоминать? – спросила Алла, но Дима промолчал. Тогда она твердо развернула его к себе и заглянула в глаза. – Кого она должна напоминать? – повторила вопрос Богославская и, вновь не получив ответа, жестко усмехнулась. – По-твоему, я слепая? Не замечаю, что Рината – копия Бердникова? Да я всегда это видела. И чем старше она становится, тем мне яснее, что она не обычная сирота, которую Володя пожалел. И делается еще больнее. Знаешь, Дима... Он не только в моей жизни нагадил, вдобавок и какую-то девушку обрюхатил... – она опустила голову. Даже спустя столько лет мысль, что для Бердникова она была не единственной, вызывала в сердце ноющую боль. – Он сказал, что ребенок ему не нужен, а Рина... Кто она? Ты ведь в курсе, кто ее мать...

– Да, – не стал отрицать Крестов, нежно обхватил Аллу за плечи и тихо проговорил. – Она не только на Володю похожа. Посмотри на нее внимательнее, Алла. Пожалуйста... – больше не проронив ни слова, он ушел.

Алла же стояла у борта и наблюдала за тренировкой Ринаты. Цепкий взгляд следил за голубоглазой девочкой с растрепанным хвостом, забранным на затылке яркой резинкой. После слов Крестова в мозгу что-то перемкнуло. Богославская изучала каждое движение девочки, вглядывалась в черты юного лица, напоминающие отцовские черты, и думала.

«Посмотри на нее внимательнее...»

Рината обернулась, растянув губы в улыбке. Когда-то и Алла могла радоваться столь же открыто. До встречи с Бердниковым.

Улыбка.

Внезапная совершенно нереальная догадка до краев заполонила душу. Пытаясь отогнать ее, Алла помотала головой, но та пульсировала, гремела миллионом колоколов и звонков, не давая прорваться голосу разума. Нет, невозможно. Рината – не ее дочь. Нет, потому что...

Богославская вдруг поняла, что миллиард «потому что» разбивается об одно: «Он мог так поступить». Бердников действительно способен на многое. Маленькая девочка в ней кричала, что он никогда бы этого не сделал, а женщина с опустошенным сердцем лишь горько вздыхала.

Алле стало плохо. Тошнота комом подкатывала к горлу, очертания катка, пустых трибун и скользящей по льду Рины расплывались перед глазами. Чтобы не упасть, Богославская схватилась за бортик. Почувствовав под пальцами холодную гладь, немного пришла в себя и смогла вдохнуть.

Ей нужно узнать правду. И только Бердников может ей все рассказать.

– Рина, тренировка окончена! – крикнула Алла и наткнулась на возмущенный взгляд ученицы. – Окончена.

Дождавшись, когда Рината выйдет со льда, Богославская отправила девочку в зал хореографии, а затем поехала к человеку, который раньше был для нее целым миром, а сейчас превратился в неотступающую ни на мгновение тень.

Глава 2

Москва, октябрь 2013 года

Стоя в тени трибун поодаль от катка, Владимир наблюдал за тренировкой. На льду, кроме Ринаты и Игоря, никого не было, и он сделал вывод, что Алла специально распределила время таким образом, чтобы молодые люди могли заниматься отдельно от других ее подопечных. Разумно.

Рината не из тех, кого стимулирует наличие конкуренции в группе. Для нее есть только один соперник – она сама.

Отсюда каток был виден не полностью, и на некоторое время Владимир потерял дочь из поля зрения. Зато Алла по-прежнему находилась возле бортика, и волосы ее в бледном осеннем свете, проникающем сюда сквозь расположенные по периметру окна, отливали серебром. Двадцать лет тянулись долго и одновременно пролетели быстро... Надо льдом разнесся ее звонкий, хорошо поставленный голос, но Бердников, погрузившийся в размышления, не уловил сути слов. В поле зрения появилась Рината, и Владимир почувствовал сопровождающие его уже много лет гордость и сожаление. Вот как бывает, значит...

Сперва он хотел подойти и, как Алла, застыв у бортика, посмотреть за прокатом, но передумал. Не стоит.

Не оборачиваясь, он зашагал прочь.

Москва, март 2010 года

– Приехали, – Владимир затормозил и повернулся к спутнице.

Рината сидела, уткнувшись в ворот дутой куртки в цветах российского триколора. Волосы были заплетены в небрежную косу, несколько прядок обрамляли худое личико с заострившимися скулами и ввалившимися щеками.

За три недели, проведенные в больнице, она похудела и осунулась, а под глазами залегли темные круги. Владимиру хотелось протянуть к ней руку и убрать непослушную смоляную прядку за ухо, но он понимал: любое проявление чувств вызовет в Ринате волну протеста.

Поджав губы, Бердников вздохнул и выбрался из машины на улицу. Лицо сразу же зашипило от мороза. Он обошел автомобиль, достал из багажника костыли и открыл дверь со стороны пассажирского сиденья.

– Давай помогу, – предложил Владимир и сделал попытку подхватить Рину под локоть, но та дернулась и вцепилась в один из костылей.

– Я сама, – хрипло выдавила Рина, не удостоив его взглядом, и с явным трудом вылезла из салона. Нога была загипсована, врачи прогнозировали, что его снимут как минимум через три недели.

Выхватив у Владимира второй костыль, Рината устремилась к подъезду. Бердников забрал из автомобиля борсетку с документами, прихватил варежки дочери, валяющиеся на сиденье и, поставив машину на сигнализацию, быстрым шагом направился следом.

В квартире предпринял попытку помочь Ринате снять куртку, но в ответ получил очередное категоричное «сама». Правда, на сей раз она удостоила взглядом. Холодным, неприятно колющим сердце. Режущим, словно тупой нож. Но этого стоило ожидать. Поймет ли она когда-нибудь? Сумеет ли простить? И что, в сущности, она должна понять?

Нечего тут понимать...

Рина согласилась уехать с Бердниковым из больницы лишь при условии, что как только ей снимут гипс, он откажется от опеки и вернет ее в детдом. Он не спорил. В конце концов, у Владимира еще было много времени, и он собирался сделать все от него зависящее, чтобы дочь поговорила с Аллой.

Она должна жить с родной матерью. Рината, безусловно, упрямая, но неужели он, глава Федерации, имеющий в подчинении амбициозных спортсменов, опытных тренеров и кучу сотрудников, не сумеет поставить на место шестнадцатилетнюю пигалицу? Сумеет, конечно. Однако в безупречном плане существовала весомая загвоздка – пигалицей оказалась его единственная дочь. Но Бердников не мог допустить, чтобы Рината вернулась в детдом и еще два года терпела нападки со стороны живущих там подростков.

Она – звездочка, упавшая с небес, и достойна лучшего. Ринату нужно оберегать. Она особенная, талантливая, целеустремленная, у нее огромное будущее, она имеет право выбирать из множества дорог. Но для детдомовских она просто выскочка. А таких не любят...

Москва, октябрь 2013 года

Алла вошла в палату и, найдя глазами Савченко, улыбнулась. Николай Петрович при виде бывшей ученицы мигом приободрился. Он разулыбался, болезненно-бледное лицо сделалось чуточку здоровее.

– Здравствуйте, Николай Петрович.

Богославская приблизилась к койке и положила на тумбу букет цветов. Осмотрела помещение: светлые, типично больничные стены, раковина в одном углу и шкаф – в другом, над кроватью на высоте вытянутой руки – панель с розеткой и кнопкой вызова персонала. Придаться не к чему, однако из груди Аллы невольно вырвался тихий вздох.

– Аллочка, – прокричал Савченко, с усилием приподнимаясь. – Рад тебя видеть, иди сюда, – пациент похлопал по матрасу рядом с собой.

Богославская послушно присела, коснулась руки Николая Петровича и легонько сжала.

Из реанимации его перевели три дня назад, но провести Савченко она смогла только сегодня, поэтому испытывала угрызения совести.

– Как вы?

– Да... – Савченко махнул рукой, и лицо его снова озарила улыбка. – Врачи сказали, легко отделался. Не переживай за меня. Ты-то как? Игорь с Ринатой вчера навещали, сообщили, что у тебя тренируются.

– Да, – подтвердила Алла, и в глазах ее промелькнула усталость.

– Спасибо тебе.

– За что?

– Ты не бросила ребят. Они сложные, с ними тяжело, но я никогда бы не ввязался в авантюру, если бы не видел перспективу. Они всех удивят.

– Они многого достигли благодаря вам, – согласно кивнула Богославская. – Мне очень жаль, что все... так... – Алла пожала плечами и посмотрела на Николая Петровича. – Вы должны были довести их до Олимпиады.

– Я или не я... Какая разница? – Савченко с сожалением поджал губы. – Главное, чтобы они достигли взаимопонимания.

– Вот это никому не помешает, – проговорила Алла и, помедлив, добавила: – Вы ведь знаете?

– Да, – ответил Николай Петрович, сообразив, что она имеет в виду. Теперь уже его морщинистая рука легла на ладонь Аллы, успокаивая, приободряя. – И верю, однажды вы найдете дорогу друг к другу.

– Иногда дороги ведут в никуда. И мне кажется, я иду именно по такой. Кстати, Николай Петрович, я часто вспоминаю ваши слова, которые вы сказали, когда мы с Бердниковым... ну... вы знаете. «Беги от него».

– Но ты кинулась напрямик к нему, – в усмешке Савченко не было веселья, лишь тень печали: ведь в прошлом, он, видевший куда больше юной подопечной, не сделал достаточно, чтобы уберечь Аллу. Он шумно выдохнул и покачал седой головой. – Послушай, девочка моя, в тот момент, когда ты думаешь, что все неправильно, смотри на родную дочь. Разве она – неправильно? Ради нее ты, не задумываясь, отказалась от продолжения спортивной карьеры. Разве Рината, талантливая чудесная Рина – это ошибка?

– Вы правы, конечно. Я не жалею. Я снова и снова поступала бы точно так же, если бы можно было отмотать время назад. Но... ни за что, ни при каких обстоятельствах не осталась бы в Москве.

Глаза Аллы превратились в ледяную сталь.

– Я бы уехала, чтобы он... никогда меня не нашел! Хотя... – губы ее сложились в грустную улыбку. – История не знает сослагательных наклонений. Но в прошлом, когда я столкнулась лицом к лицу с той Ринатой, которая поняла, что я – ее мать, я осознала – она никогда меня не простит. Столько ненависти таилось в ней. Господи... До сих пор не могу забыть ее взгляд. Я в кошмарных снах порой вижу ее лицо в ту нашу встречу. А дело ведь в Бердникове... Он трус.

– Что же произошло, Алла? – набравшись смелости, задал Николай Петрович давно мучивший его вопрос.

В запутанной и темной истории он понимал лишь одно: Рината – дочь Аллы и Владимира. Но до Олимпиады в Ванкувере ни та, ни другая правду, похоже, не знали.

– Я когда-нибудь все расскажу, Николай Петрович. Но не сейчас. Это уже... слишком, – проговорила Алла и помолчала. – А вы теперь давайте, скорее выздоравливайте. Вы нам нужны, Николай Петрович.

– Я ни на что не гожусь.

– Ваши знания и опыт бесценны, – возразила Алла, поднимаясь. – Я вас очень люблю и хочу, чтобы вы это помнили.

– Взаимно, девочка моя.

Алла наклонилась, коснулась виска Савченко и попрощалась.

Шагая по коридору, она думала о том, что, наверное, Николай Петрович прав, и Рината однажды сумеет спокойно ее выслушать. И тогда, возможно, больше не будет смотреть на мать с такой ослепляющей ненавистью.

Москва, март 2010 года

Алла выбралась из автомобиля и, не дав себе даже шанса на сомнения, быстро направилась к подъезду. Дверь открылась практически сразу, едва она набрала на домофоне номер квартиры.

Бердников ждал ее. А она презирала себя за то, что согласилась. Оставила дочь в его доме, не рассказала правду, и теперь Рината, отгородившись от всего мира, не желает видеть мать. Но разве она могла не прийти?

Поднимаясь на лифте на девятый этаж, Алла смотрела на свое отражение в зеркале и видела женщину, готовую биться за родного ребенка. Сражаться за дочь, за ее любовь, за жизнь.

Даже против ее воли.

Бердников дожидался Аллу у раскрытой двери. Богославская медленно приблизилась к нему – к мужчине, ради которого прежде не задумываясь бросила бы все, что имела. Задрав

голову, посмотрела в глаза со всей жесткостью и ненавистью, на которые была способна, и прошла прямо в квартиру.

Владимир сделал попытку помочь ей снять пальто, но она передернула плечами, будто прикосновение обжигало. Смерила Бердникова суровым взглядом, расстегнула крупные круглые пуговицы, скинула верхнюю одежду и повесила на вешалку. Не разуваясь, направилась в комнату. Владимир хотел последовать за ней, но Алла хлопнула дверью прямо перед носом Бердникова, без лишних слов указывая его место – вне их с Ринатой жизнью.

Но вся смелость молниеносно свернулась клубочком и трусливо спряталась, едва она увидела дочь. Рина сидела на диване, поджав здоровую ногу, и читала книгу. Она намеренно не поднимала взгляда, хотя Алла не сомневалась, что Рината слышала и звонок домофона, и шаги в коридоре, и хлопок двери. Глупая манера игнорировать то, что она не желала воспринимать, проявилась еще в детстве и с тех пор никуда не делась. На тренировках подобное она позволяла себе редко, а вот вне спортивной жизни выходки девочки порой доводили Аллу до белого каления. Дочь казалась настолько чужой и отстраненной, что страх, тихий и беспомощный, начал холодом растекаться по телу, проникать в кончики пальцев, в живот, в мысли. В груди больно кольнуло.

У Ринаты практически ничего не было вне спорта. А она, ее мать, находилась рядом, но так далеко... Бесконечно далеко.

– Рина... – Алла сделала шаг, но тотчас остановилась, заметив, как тонкие, словно пау-
чы лапки, пальцы с силой вцепились в мягкую обложку книги, сминая переплет. – Рината, – набрав в легкие побольше воздуха, выдохнула Алла и, преодолев необъяснимую робость перед дочерью, пересекла комнату.

Губы Риной сжались в упрямую линию, но, несмотря на это, Алла присела на противоположный конец дивана.

– Нам нужно поговорить. Ты не можешь вернуться в детский дом. Тебе там не место.

– А где мне место? – хриплым из-за долгого молчания голосом спросила Рината.

Когда она подняла взгляд на Аллу, у той все внутри похолодело – столько едва сдерживаемой ярости в этих глазах она еще не видела. Да чего греха таить: такой Рина предстала перед Богославской впервые. Рината всегда была доброй, ласковой, пусть и настырной, целеустремленной девочкой, а теперь...

– Где мне место, Алла Львовна? – повторила Рината тем же тоном.

– Будешь жить у меня, – твердо сказала Алла, выдерживая взгляд дочери.

Ринаты скривилась, правильные черты ее лица исказились.

– А Владимир Николаевич говорит, я должна жить у него. Вы как-нибудь определитесь, только не подеритесь.

– Рина... послушай меня, пожалуйста, – хотя Аллу колотило, она как-то справлялась, отчаянно пытаясь сохранить спокойствие. – То, что тебе рассказал Бердников, – правда. Но я ничего не знала. Я и не представляла, что ты моя дочь. Я не...

– Ну конечно, Алла Львовна, – едко усмехнулась Рината, не веря ни единому слову, ни единому звуку, слетавшему с завравшихся губ. – Разве вы могли знать?

– Ринат... – Алла протянула руку и хотела дотронуться до ее кисти, но Рина вскочила и, едва не потеряв равновесие, схватилась за спинку стоявшего рядом стула.

– Я не желаю слушать ваши оправдания, Алла Львовна! Все, что вы скажете, – ложь! – она с леденящей циничностью усмехнулась и, помедлив, выпалила: – Почему ты не сделала аборт... мама! – Рину перекосило, когда она почти выкрикнула последнее слово. Такое важное, которое она так хотела произнести, а Алла – услышать. Но теперь оно оказалось исковеркано, опорочено, разломлено, а все благодаря одному человеку, не погнушавшемуся ничем на пути к намеченной цели.

Алла вскочила.

Открыла дверь и гневно, едва сдерживая злые слезы, рывкнула застывшему в коридоре Владимиру:

– Давай! Объясни ей, что я ничего не знала! Скажи, что это все ты! Сукин сын! – будто разъяренная рысь, она бросилась к Бердникову и грубо толкнула в грудь, а после вцепилась в ткань рубашки и зашипела прямо в лицо: – Верни мне ее – отдай моего ребенка, Бердников! – из глаз Аллы покатались слезы. – Верни...

– Алла... – Владимир приобнял ее за плечи. Что ответить? Что он последний трус и не сумел заставить Ринату выслушать его? А маленькая соплячка оказалась гораздо тверже, чем он мог вообразить? И лишь теперь до него дошло – не в его власти переубедить Ринату, если она приняла решение?..

Рина появилась в дверях и, прислонившись к косяку, бесстрастно наблюдала за разыгравшейся сценой.

– Отвезите меня в детский дом, – потребовала она, с равнодушным презрением взирая на обоих. Ожесточенные черты нежного личика выглядели странно, словно детство с непомерной быстротой отступало в небытие, а нечто взрослое, пришедшее слишком рано, стремительно занимало освободившееся место.

– И не мечтай! – бросил Владимир.

Алла скинула его руки и повернулась к дочери.

Вытерла слезы ладонями и посмотрела на Рину:

– Никакого детдома. Если не хочешь жить со мной, вернешься в школу. В конце концов, тренировки никто не отменял.

– Ну-ну, – сухо ухмыльнулась Рината. – Он еще не предупредил вас? Не будет больше тренировок. Ни выступлений, ни фигурного катания! Я не собираюсь быть вашей марионеткой!

– Что ты говоришь? – Алла не могла поверить ни единому слову Ринаты. Девочка готова ночевать на льду... фигурное катание стало ей второй сущностью. – Я не позволю тебе, Рина!.. – Богославская приблизилась к дочери и посмотрела на ее загипсованную ногу. – Ты не марионетка и никогда не была ею. Ты – личность. Спортсменка.

– Надоело, Алла Львовна. Хватит ваших лживых речей! Понятно? Я устала! Когда снимут гипс, вы... – Рина покосилась на Бердникова. – Вы вернете меня обратно. И все закончится. Я больше видеть вас не желаю! Ни вас, ни... – она перевела взгляд на Аллу и в упор посмотрела на нее. – Ни... – голос дрогнул, в груди защемило.

Рината любила этих людей. Всем своим одиноким сердцем, наивной детской душой. Позволила им пробраться в мысли, завладеть собой – и открылась для них.

– Ни вас, Алла Львовна. Я не вернусь в спорт. И вы оба забываете обо мне, словно меня никогда не было, – хлопок ладоней довершил начатое. – Все.

– Я не позволю тебе бросить фигурное катание! – уверенно заявила Богославская. – И не исчезну из твоей жизни, не сейчас, когда я обрела тебя...

– Тогда я уйду из вашей, – спокойно и сдержанно, с прежней холодностью процедила Рината. – И я не шучу.

По коже Аллы пробежали мурашки.

Что-то в глазах Риной, в затягивающей темноте зрачков предвещало беду, но Владимир, ничего не понимая, осведомился отцовским тоном:

– И как же ты это сделаешь?

– Например, вскрою вены. Вдоль, – верхняя губа Риной приподнялась в улыбке, смахивающей на оскал. – Клянусь, я не отступлю.

Теперь Алла по-настоящему испугалась. Наверное, дочь уже успела все обдумать и взвесить. И вдруг Богославскую осенило: Рина и правда может воплотить угрозу в действительность. Может, не с той циничной расчетливостью, но под влиянием порыва, импульса. Хоте-

лось кричать, требовать чего-то от Бердникова. Пусть он проявит характер, хотя бы урезонит ребенка, который так похож на него. Но менее всего он сейчас напоминал человека, способного действовать и нести ответственность за чью-то жизнь, включая и свою собственную. Она чувствовала, как тают секунды, а вместе с ними просачивается сквозь пальцы последняя возможность что-то исправить. Они – двое взрослых и девочка, уже начавшая превращаться в женщину, – стояли и молчали, и к тому моменту, когда торопливая блестящая стрелка на висевших над диваном часах совершила полный оборот, все было потеряно.

Глава 3

Москва, декабрь 2013 года

Игорь сонно потянулся и открыл глаза. Рядом, уютно устроившись на его груди, спала Рината. Парень легонько провел рукой по ее оголенному плечу и улыбнулся, когда она, что-то недовольно пробурчав, потерлась об него щекой.

– Вставай, соня, – тихонько проговорил он.

– Мм... сколько времени? – не желая выползть из теплых объятий, хриловатым ото сна голосом поинтересовалась Рина.

– Семь.

– Можно еще поспать... Чуть-чуть... – Рина открыла один глаз и, задрав голову, хитро посмотрела на Игоря.

– Ты ли это? – засмеялся он. – Сегодня соревнования, а ты не бегаешь по квартире с воплями, что мы опоздаем на утреннюю тренировку! Что-то случилось?

– Нет, – Рината перевалилась на подушку и блаженно улыбнулась. – Просто я абсолютно спокойна. Мы с тобой готовы показать все, что умеем.

Игорь щелкнул Рину по носу, и та смешно поморщилась. Действительно, они многого достигли за прошедшее с момента перехода к Богославской время, и сегодня, на пятом этапе Кубка России, выйдут побеждать. Старт, проводимый во дворце спорта «Москвич», станет последним испытанием перед чемпионатом России. Когда, если не сейчас, надо показать, что с ними должны считаться?

Игорь наблюдал, как девушка сползла под одеяло и накрылась с головой. Они по-прежнему цапались по любому поводу, Рината, как и раньше, смотрела на Богославскую волком, но впервые за долгие месяцы работы он чувствовал, что не один.

Рина рядом, значит, они вместе.

– Ты правда так думаешь?

Рината легким движением стянула одеяло и посмотрела на Игоря.

А затем ответила:

– Правда. Если не вспоминать о том, кто такая Богославская, как тренер она отличный специалист.

Она нырнула в объятия Игоря, обвила за шею и, притянув к себе, поцеловала.

– У нас с тобой все получится, – прошептала Рина и спрятала лицо на его груди.

Игорь скользнул губами по ее виску и погладил шелковистые волосы, рассыпавшиеся по постели. Одеяло задралось, обнажив перебинтованную Ринину ногу. Парень вздохнул, понимая, что отчасти он виноват в том, что сейчас партнерша находится не в самом лучшем состоянии. Неделю назад притащила на лед новые коньки, которые он подарил ей на день рождения: Рината собиралась раскатать их и на соревнованиях покрасоваться уже в чистеньких, новеньких ботинках.

Однако все оказалось совсем непросто. Ботинки не подошли. Итогом стала кровавая мозоль на большом пальце. Тогда стена, возведенная Ринатой, впервые дала трещину... Хотя сначала девушка наотрез отказывалась снимать новые коньки. Зато Богославская была против того, чтобы выпускать подопечную на лед.

«Или ты переобуваешься в старые ботинки, или будешь тренироваться в зале», – заявила Алла и отперла щеколду, открывающую борт. Замечание было сказано бескомпромиссным

тоном и приправлено таким взглядом, что Рина не посмела возразить. Недовольно пыхтя, она вышла со льда и, сильно прихрамывая, отправилась в раздевалку.

Вернулась спустя пять минут и молча прошла мимо Богославской в старых коньках.

Выяснилось, что коньки изготавливались на заказ, поскольку у Ринаты была нестандартная стопа. Любые другие просто-напросто натирали ноги до такой степени, что мучительный процесс раскатки превращался в адские пытки. Но раньше Рината и словом не обмолвилась об этом. И теперь, в последний момент узнав интересные детали о жизненно важных для каждого фигуриста вещах, Игорь высказал партнерше все, что думал, смягчив речь и используя более-менее приемлемые цензурные выражения. Даже лайт-версия оказалась весьма красноречивой, но он был зол на Рину и изъясняться на литературном языке не мог.

Итак, за те жалкие пятнадцать минут, что они провели на раскатке до прихода Богославской, Рина успела в кровь стереть ногу, ну а Игорю захотелось одновременно отвесить партнерше подзатыльник и поцеловать ноющий пальчик. Поэтому его тирада оказалась чем-то средним.

– Как ты? – погладив бедро Ринаты, спросил он.

– Почти не болит.

Она перекинула через него ногу, скользнула губами по шее Игоря и промурлыкала:

– Не хочу от тебя уходить.

– И не надо.

– Надо, – вздохнула Рина и, скинув одеяло, сползла с постели.

Игорь проводил ее до ванной комнаты горящим взглядом. Из одежды на ней ничего не было. Только длинные черные пряди, спускающиеся до поясницы, скрывали хрупкую наготу. Парень вдруг поймал себя на мысли, что, если она когда-нибудь решит обрезать прекрасные черные волосы, он этого не позволит. И тотчас угрюмо хмыкнул, понимая, что вряд ли Рина станет интересоваться его мнением.

* * *

Дворец спорта «Москвич» сильно отличался от новеньких арен, возведенных в Сочи к Олимпийским играм. Построенный еще во времена Советского Союза, он проигрывал и по комфортабельности, и по внешней привлекательности. Но ни Рината, ни Игорь не заостряли на этом внимания. Даже если бы пришлось выступать на крохотном катке под открытым небом, они бы сделали все, чтобы стать лучшими.

Сегодняшний прокат – лишь очередная зарубка на пути к главной цели, новое препятствие, которое требовалось преодолеть, чтобы приблизиться к заветной путевке в Сочи.

В первый соревновательный день Рината выходила на лед со смешанными чувствами уверенности и раздражения. Второе, как, собственно, и первое, стало последствием принятого незадолго до старта решения не вставлять в короткую программу рискованный тройной аксель. Рина до последнего упиралась, приводила миллион доводов в пользу того, что они должны прыгнуть аксель в обеих программах, однако Богославская и Игорь выступили единым фронтом, и ей пришлось уступить.

Короткая программа, не смазанная никакими помарками, сверкала в калейдоскопе выступлений, как крупный бриллиант, а зрелищный лутц привел болельщиков и судей в восторг. И, как ни пыталась Рината, сидя в «уголке слез и поцелуев» в ожидании оценок, сохранять напускную сдержанность, высветившиеся на мониторе баллы заставили девушку довольно улыбнуться и мысленно признать, что решение отказаться от акселя в короткой было правильным.

Теперь надо дождаться завтрашнего дня и столь же ярко, без срывов, откатать произвольную, а вместо лутца сделать то, что никто и никогда из парников раньше не делал.

* * *

Рината наклонилась, тронула пальцами пол возле носков кроссовок, выпрямилась и несколько раз присела, держа руки поднятыми над головой. Свободная толстовка задралась, открывая обтянутые плотными черными легинсами упругие ягодички. Мимо, абсолютно не интересуясь ею, протопал кто-то из работников «Москвича». Запахло дешевым растворимым кофе. Рината потянулась и сделала несколько наклонов. Открылась дверь, из раздевалки вышла уже переодетая в костюм молоденькая парница с чехлами для коньков в руках. Бросив на девушку мимолетный взгляд, Рина продолжила разминаться.

– Какое прекрасное зрелище, – раздалось позади нее как раз в тот момент, когда Рината снова коснулась пальцами пола.

Резко выпрямившись, она увидела опирающегося о стену Макса. На губах парня играла самодовольная ухмылка, в голубых глазах танцевало дьявольское пламя.

– А тебе не говорили, что подкрадываться к людям со спины нехорошо?

– Со спины, может, и нехорошо... – Макс многозначительно посмотрел на то, что было чуть ниже, и Рина внезапно почувствовала, что к щекам приливает краска, а это случилось крайне редко.

Макс, похоже, тоже все заметил, и выражение его лица стало еще более самодовольным. Но поддаваться грубому обаянию Рината не собиралась.

Напустив на себя скучающий вид, она нарочито-небрежно осмотрела фигуриста с ног до головы:

– Рада, что хоть кто-то из нас получил удовольствие.

Лениво оторвавшись от стены, Максимилиан направился к Ринате. Движения парня, плавные, неторопливые, были наполнены звериной грацией, и Рина снова подумала, что от него веет опасностью. Однако не испугалась, а приподняла бровь и сложила руки на груди.

– По-моему, кто-то должен готовиться к прокату, – сказала Рината, когда между ними оставалось не более двадцати сантиметров.

Судя по тому, как он скривился, идея энтузиазма не вызвала. Рина почувствовала слабый запах мужского парфюма и сумела разглядеть синеву радужки глаз. Что-то в Максе притягивало ее, но к чувствам явно отношения не имело.

– Никуда не денется прокат.

– Да? – Рината опять выгнула бровь. – А мне кажется, турнирная таблица говорит за себя.

– Не обольщайся, – парень уперся ладонью о стену и скрестил ноги.

Фыркнув, Рина стянула с головы резинку и заново собрала волосы в хвост. Макс пристально следил за ней, наблюдая, как двигаются ее пальцы. Взгляд фигуриста на миг остановился на лице девушки, опустился к оголенной шее и ниже – к груди.

– А я и не обольщаюсь, – закончив возиться с волосами, сказала Рината. – Просто знаю, что лучше.

Заявление было столь наглым, что Максимилиан только покачал головой. Он оказался намного выше, но вовсе не подавлял ее.

Рината лукаво улыбнулась, коснулась пальчиками грудной клетки парня и, чувственно понизив голос, добавила:

– И партнер у меня самый лучший. Во всем, – отступив, заметила идущую к ним Алису.

Та, в отличие от Макса, не настроилась на игривый лад. Колющий взгляд темно-карих глаз выдавал раздражение, она выглядела напряженной, нервной. Как и Рината, одета фигуристка была в темные легинсы. Из-под расстегнутой толстовки выглядывала белая футболка с абстрактным рисунком, длинная и похожая на тунику.

– Вроде бы тебя кто-то ищет, – негромко проговорила Рина, но Макс уже был в курсе.

Поравнявшись, Алиса одарила Ринату сердитым взглядом, и та почувствовала себя неуютно. Отчасти это выглядело смешно, но миниатюрная хрупкая соперница являла собой олицетворение неукротимой решимости. Парница от бога... Макс обнял ее за талию, и Алиса совершенно по-собственнически прижалась к Самойлову бедром.

– Да и тебя кто-то потерял, – с ехидством сказал он и повел глазами.

Она оглянулась через плечо и обнаружила насупившегося Игоря, идущего со стороны катка. Все в нем было знакомо и привычно: и завиток непокорных волос, спадающий на лоб, и упрямый подбородок, и четко очерченные губы. Теплая волна, зародившаяся в сердце, прошла по ее телу и вызвала на устах улыбку.

– Точно! – Рина неторопливо повернулась к соперникам. – Ну... —улыбка превратилась в усмешку. – Удачи! – не дождавшись ответа, пошла навстречу Игорю.

Рина чувствовала устремленный в спину взгляд Алисы, и ей хотелось крутануться на месте, чтобы посмотреть той в глаза. Но делать так она не стала. Не хотелось думать ни о Максе, ни о его партнерше.

Они с Игорем приехали сюда, чтобы показать всем, на что способны, а короткий разговор с Максимилианом усилил ее желание встать на высшую ступень пьедестала. Предвкушение чего-то огромного, яркого, охватило Ринату, стиснуло грудь, заставив задержать дыхание. Поймав взгляд Игоря, она порывисто выдохнула. Сегодня они должны сделать тройной аксель. Обязаны.

– И что ему опять от тебя нужно? – без предисловий проворчал Игорь, когда Рина приблизилась к нему.

– Да перестань ты, – Рината взяла Крылова под руку и, задрав голову, посмотрела снизу вверх. – Похоже, у тебя комплексы.

– Какие, к черту, комплексы, – буркнул он и, высвободившись, обнял Рину за талию.

– Не знаю...

Ее улыбка обезоруживала, а готовность, с которой она прижалась к нему, заставила Игоря позабыть и о Максимилиане, и о том, что он собирался сказать Рине по поводу ее «милого» общения. Взгляд девушки, обычно прохладный, непроницаемый, был теплым и согревал душу. Захотелось поцеловать ее прямо посреди холла, коснуться пальцем кончика носа или сделать что-то совершенно глупое. Возможно, так и стоило поступить, однако он лишь покачал головой и погладил ее через толстовку.

Алла внимательно осмотрела спортсменов и, не найдя к чему придраться, тихо сказала: – С Богом.

Костюмы наконец были готовы, и на тренировках фигуристы уже несколько раз катали произвольную программу при полном параде, но на официальных соревнованиях появились так впервые. Простое и стильное платье Ринаты украшали цветочные аппликации из стразов, цвет которых варьировался от бледно-голубого до благородного-синего. Костюм Игоря и вовсе отличался лаконичной строгостью. Черные брюки и рубашка стального цвета с широкими манжетами – вот и все, что требовалось, дабы подчеркнуть его мужскую силу, но при этом оставить место артистичной легкости.

Не удостоив тренера взглядом, Рина вышла на лед, Игорь же с благодарностью кивнул и в порыве мягко сжал пальцы Богославской.

– Мы не подведем, – сказал он и последовал за партнершей.

Пока предыдущая пара дожидалась оценок, они, держась чуть поодаль друг от друга, скользили по периметру катка. Сосредоточившись на ощущениях, Рината старалась не вслушиваться в голос диктора, объявляющего баллы за прокат соперников, но закрывать уши ладонями казалось глупым. Впрочем, оценки были столь невелики, что она с трудом сдержалась от пренебрежительного фырканья. Единственными достойными соперниками были Максими-

лиан и его мелкая партнерша, и Рина намеревалась во что бы то ни стало доказать их с Игорем превосходство.

Когда пришло время занять исходную позу, молодые люди выехали ближе к центру катка и замерли, чуть соприкасаясь бедрами. Она смотрела на него из-под густо накрашенных полупущенных ресниц, он неловко, как застенчивый мальчишка, касался ее локтя. Музыка, неведомая, нежная, оплетающая, полилась надо льдом, полетела под своды стадиона, и вместе с ней двое, оставившие за пределами катка повседневность, заскользили по своенравной и изменчивой холодной глади. Серебристое платье Рины переливалось, играло блестящими нитями, крохотные камушки превращались в живые цветы, трепещущие, тянущиеся к жизни, распускающие бледно-голубые и небесно-синие бутоны.

Они должны стать первыми, должны победить: с этой мыслью Рината взмыла ввысь, исполняя лутц, а затем и тулуп в каскаде, зашла на первую поддержку, с ней же нырнула в руки партнера, чтобы сделать подкрут. С каждым разом зрительские овации становились громче, что внушало уверенность в собственных силах. Но все же главной задачей был аксель. Если они сделают его... Они должны! Главное, чтобы Игорь не подвел.

С силой оттолкнувшись, она сгруппировалась, прижала ладони к груди. Она никогда не боялась ни сложностей, ни самых трудных заходов и делала уникальные выезды. Но что-то снова пошло не так... Холод обжег бедро и ладони. Рине хотелось заорать, расцарапать и гладь катка, и свои руки. Сделать что угодно и не видеть, как Игорь, мягко приземлив чертов аксель, в мимолетном движении обернулся к ней.

– Рината, ты в порядке? – обеспокоенно спросила Алла, когда они, закончив программу с еще несколькими промахами, подъехали к бортику.

Рина грубо выхватила из рук тренера толстовку и молча пошла к дивану в «уголке слез и поцелуев». Казалось, если бы она могла выгнуть спину и зашипеть, словно раздраженная кошка, именно так бы и поступила.

– Дайте ей остыть, – вполголоса посоветовал Игорь, поймав усталый, напряженный взгляд Богославской.

Алла вздохнула и выдавила подобие улыбки.

В ожидании оценок за прокат все трое сохраняли давящее молчание. Игорь сел между Аллой и Ринатой, и они обе были Крылову за это крайне признательны. Экран монитора превратился в темную дыру, от которой каждый ждал вполне определенного чуда. Звук утекающих секунд гремел в висках отбойным молотком. Богославской хотелось высказаться, сделать несколько замечаний, но она чувствовала, что тогда станет лишь хуже. Конечно, она тренер и имеет право на критику. Но дочь плевать на это хотела. А видимость отчужденного нейтралитета... Чем дольше тянулось ожидание, тем сильнее женщина чувствовала дурноту, начавшую одолевать ее, едва только Рина и Игорь вышли на лед. Ей сорок, а она уже разваливается, как разбитое корыто...

Голос диктора, прокатившийся по стадиону, заставил ее вздрогнуть. Рина же подобралась, сжала пальцами край накинута на плечи толстовки. Но чуда не произошло. В ее жизни вообще не бывало волшебства – лишь мрачные сказки суровой действительности. И сейчас хладнокровные цифры свидетельствовали о том, что от Алисы и Максимилиана, занявших в конечном итоге первое место, их отделяет меньше балла. Ничтожная, в сущности, разница, но она была в чем-то сродни пропасти.

Ведь балл являлся пропуском на верхнюю ступень пьедестала, и что бы ни говорили цифры, а разница между золотом и всем, что находилось вовне, оказалась огромной.

– Ладно, – хлопнув по коленям ладонями, Богославская встала. – Главное, мы получили путевку на чемпионат России. Над остальным будем работать.

– А по-моему, Алла Львовна, вы неправильно расставляете приоритеты, – холодно глядя на тренера, выплюнула Рина.

Игорь наградил партнершу взглядом, полным упрека и досады. Ему бы одернуть ее, а еще лучше устроить знатную выволочку, только проку? Единственное, чего он добьется – что Рината закатит очередную истерику, а этого парню совсем не хотелось. Сегодняшнее поражение – не столь существенное, однако ясно демонстрировало, насколько хрупки позиции. Кроме акселя, у них вообще нет ничего. И сложный, фактически уникальный для парного катания каскад, не гарантировал лидерства даже на столь мелких соревнованиях, как этап Кубка России. И самое главное, это и подтверждало, и оспаривало убежденность Ринаты в необходимости акселя в прокатах.

С одной стороны, завалят они прыжок на Олимпиаде – и все... Отлетят так далеко, как не снилось ни одной перелетной птичке. Но без акселя претензии на золото Сочи и вовсе смехотворны. Даже если удастся заполучить путевку на соревнования, ехать туда для массовки...

– Если я нахожусь здесь, а не в Японии, – твердо заявила Алла, – значит, считаю это нужным. Но, чтобы успокоить тебя, Рината, скажу, что вечером у меня самолет.

– Наш пострел везде поспел, – усмехнулась Рина. – Знаете хорошую русскую поговорку? – Алла промолчала и, Рината, разозлившись еще сильнее, продолжила прежним пренебрежительным тоном, словно старалась угодить дротиком в центр круга: – За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Ничего не напоминает?

– Напоминает, – не сдержавшись, отчеканила Богославская, – что кому-то не хватало в детстве ремня.

Она сразу же об этом пожалела, но было поздно: Рината зло, цинично засмеялась, глаза ее наполнились хрусталиками льда.

– Некому было меня лупить, Алла Львовна. А чужим людям бить сироток как-то... – пожав плечами, она выпрямилась, резко развернулась и зашагала к раздевалкам.

Алла прижала ладонь ко лбу и покачала головой. Как она устала от бесконечных бессмысленных поединков... Сколько она могла – и хотела – сказать родной дочери. Слова поддержки, любви, утешения разрывали ее, толкались в горле, в сердце, искали выхода. Двадцать лет бессмысленной лжи. Вся жизнь – сплошной обман, но и сейчас она продолжает врать себе.

Придет ли когда-нибудь этому конец?!

– Алла Львовна, вы хорошо себя чувствуете?

Плеча коснулись теплые пальцы, и Алла, подняв голову, увидела обеспокоенного Игоря. Виски пульсировали болью, тошнота усилилась. Пожалуй, она и впрямь пребывала далеко не в лучшей форме, но как ненавистно выставлять себя слабой. Мужчины слишком часто видели в ней ранимую, хрупкую женщину... Жаль, что для некоторых это не стало препятствием на пути к собственным целям. В надежде, что ей полегчает, Богославская сделала глубокий вдох. Но дурнота не отступала.

– Давайте я провожу вас в медицинский кабинет.

Игорь настойчиво взял ее под локоть, и на сей раз Алла не сопротивлялась.

– Спасибо, Игорь, – ответила она, с благодарностью принимая его помощь.

Крылов вышел на улицу и бросил взгляд на стоянку. Возле «Ауди», пытаясь согреться на двадцатиградусном морозе, пританцовывала Рината. Холода, пришедшие в этом году одновременно с наступлением календарной зимы, подняли спрос на шапки, шарфы и варежки и заставили влезть в теплые вещи даже тех, кто обычно упрямился до последнего. Но Ринату, похоже, не спасали ни плотный пуховик, ни сапоги на натуральном меху. И нет бы, подождать его в салоне, принципиально будет мерзнуть!

Игорь качнул головой и прибавил шаг.

– И где ты пропадаешь? – набросилась на парня Рина. – Я в сосульку превратилась! Открывай! – она подергала ручку запертой дверцы.

– Тебе не повредит. Уже ледышка, – едва слышно проворчал Игорь, щелкая сигнализацией.

– Что? – не расслышала Рината.

– Садись, говорю! – повторил Игорь, забираясь в салон автомобиля.

– Ты чего в раздевалке торчал? – ехидно усмехаясь, поинтересовалась Рината, когда они уже отъехали от здания.

– Не в раздевалке, а в медкабинете.

– В медкабинете? – глаза ее округлились. – Что случилось? Неужели у тебя травма? Все было в порядке...

– Я здоров, как космонавт!

– Тогда что?

– Алле Львовне плохо стало.

Услышав ответ, Рината отвернулась.

– Ничего не скажешь? – покосился на нее Игорь.

Рина упорно смотрела в окно, но спустя несколько секунд он услышал ожидаемое:

– Что с ней?

– Не знаю. Она стала очень бледная, мне показалось – еще немного, и у нее случится обморок или нечто подобное. Я ее отвел в медпункт, дождался, пока осмотрят.

– И?.. – Рината повернула голову и внимательно посмотрела на Игоря.

– Она вышла оттуда с таким странным выражением на лице... – он пожал плечами. – По-моему, что-то серьезное, Рин.

– С чего ты взял? Она здорова! – излишне горячо воскликнула Рината. – Она с детства спортом занимается! Что ты придумываешь?!

– Боишься за нее?

– Нет.

– Боишься, – утвердительно кивнул Крылов.

– Нет! – гневно сверкая взглядом, отрезала девушка.

– Рината, ты себе-то не ври! И в прошлый раз, когда Богославская в больницу попала, ты к ней ходила с апельсинами, а сейчас, по глазам твоим вижу, что боишься. И правильно делаешь. Так или иначе, она твоя мама. Давно пора поговорить с ней и выслушать. Сама ведь жалуешься, как тебе не хватало материнского тепла! Пока не слишком поздно, можно попробовать хоть что-то навестать.

– Ей все равно. Ей плевать на меня, – глаза Риной подозрительно заблестели.

– Господи, какая ты дура, Ипатова! Да она только и мечтает обнять тебя! И ты тоже, – пристально глядя на нее, возразил Игорь.

В машине воцарилась тишина. Рината уставилась в окно, надеясь, что Игорь отстанет, прекратит ковырять ее сердце. Дороги были свободны, но ей казалось, что они плетутся слишком медленно, и к тому моменту, когда машина затормозила у дома, нервы девушки были на пределе.

– Приехали! – мрачно процедил Игорь.

Рината выскочила из автомобиля и сломя голову понеслась к подъезду. Следовать за ней Игорь не спешил. Оставшись в салоне, положил руки на руль и вздохнул. За то время, что они тренировались у Аллы Львовны, Крылов уверился в одной мысли: Богославская до последнего не знала, что Рината – ее дочь. И если даже для него все очевидно, то почему Рина упорно отрицает этот факт? Она обижена, ожесточена, растеряна. Ей удобно верить в свою версию случившегося, но сколько можно?

Вдруг в голову Игоря пришла абсолютно сумасбродная идея, находящаяся где-то на грани фола. Они с Риной, вероятно, грандиозно разругаются, но, если это поможет поставить ей мозги на место и прорвать глухую стену обороны, он готов рискнуть. Не раздумывая более, Игорь вылез из машины, проверил сигнализацию и бегом, не застегивая пальто, бросился к подъезду.

Глава 4

Москва, декабрь 2013 года

Рината уже успела раздеться и, нарочито гремя посудой, хозяйничала на кухне. Трогать ее Игорь не стал. Скинув обувь, поднялся по лестнице и вошел в бывшую спальню партнерши. Первым делом раскрыл шкаф, осмотрел полки и, не найдя искомого, обвел взглядом комнату. Он точно знал, что нужная коробка находится здесь и собирался отыскать ее.

Спальня была не особо большая – около пятнадцати метров, и Игорь, подбиравший мебель, знал здесь каждый уголок. Заглянув под кровать, парень вытащил старую сумку Рины, но, кроме упаковки салфеток, завалявшейся в боковом кармане, ничего не обнаружил. Сумка отправилась на прежнее место, Игорь же поднялся и с силой выдохнул. Подошел к тумбочке, открыл первый ящик, затем второй, третий и наконец увидел то, что искал. Обувная коробка с письмами.

Взяв ее в руки, присел на постель и положил находку на колени. Осторожно, словно это была шкатулка с драгоценностями, снял крышку и вытащил письма. Провел подушечкой большого пальца по выведенному красивым ровным почерком имени. «Ринате Ипатовой»... Внезапное чувство, что он лезет в чужую жизнь, было подавлено мыслями о том, что по-другому нельзя. Рина должна разобраться со своими демонами, иначе...

– Что ты делаешь?

Будто нашкодивший ребенок, застигнутый врасплох, Игорь вскинул голову и увидел застывшую в дверном проеме Ринату. Взгляд девушки не предвещал ничего хорошего.

Скрестив руки на груди, она повторила:

– Что ты делаешь?

– Я... – Игорь медленно встал, взял из коробки стопку писем и посмотрел Рине в глаза. – Решил убраться.

– В моей комнате? – брови приподнялись, на губах появилась язвительная усмешка.

– Это моя комната, – в тон ей ответил Игорь и, приблизившись, помахал перед Риной письмами. – А тут – хлам. И я хочу от него избавиться.

Не дав ей ничего сказать, парень быстро вышел из комнаты и начал спускаться по ступеням.

– Игорь! – Рината бросилась следом. Догнала его у кухни, дернула за рубашку и попыталась забрать письма, однако Игорь, с силой сжав запястье, отвел ее руку в сторону.

– Отдай!

– Зачем? – глядя в упор, с издевкой улыбнулся Крылов. – Они тебе не нужны. Ты же сама говорила, что ничего нового из писем не узнаешь, мол, это напоминание о ненависти. Может, хватит? Выброси их и отпусти.

– Отдай! – повысила голос Рината, будто не слыша его. Снова попробовала достать прямоугольники белых конвертов, но Игорь не позволил.

– Хорошо, – кивнул он. – Читай. Прямо сейчас.

– Нет.

– Тогда я их сожгу.

Отцепив пальцы Ринаты от рубашки, Игорь уверенно открыл кухонный шкафчик и достал оттуда коробок спичек. Затем повернулся к Ринате. Та стояла не двигаясь и не мигая смотрела на письма.

– Жги, – вдруг абсолютно спокойно проговорила Рина и перевела безразличный взгляд на его лицо. – Мне все равно.

– Хорошо, – ответил он столь же равнодушно. Положил письма на столешницу, вытащил спичку, чиркнул ею по коробок и взял запечатанный конверт. – Но учти, ты никогда не узнаешь содержание.

Смерив Ринату бесстрастным взглядом, Игорь поднес краешек первого письма к огню.

Рина чуть дернулась, но осталась стоять на месте, только руки сжались в кулаки, а рот сузился в тонкую презрительную линию.

– Жги! – скомандовала она, и Игорь опять поразился ее стойкости и принципиальной упертости.

Парень, сохраняя хладнокровие, позволил пламени лизнуть бумагу. Коротко выдохнув, Рина отвела взгляд, а губы Игоря тронула кривоватая усмешка. И чего он, спрашивается, ждал, если она, имея в собственности трехкомнатную квартиру в центре Москвы, предпочитала продуваемый всеми ветрами барак? Упрямство, граничащее с глупостью, а он, осел, придумал «гениальный» план... Ага, сейчас!

Когда пламя подобралось к пальцам, Игорь бросил кусок обгоревшей бумаги в раковину и взял следующее письмо. Чиркнул спичкой. Помедлил и поднес бумагу к огню. Он знал, что Рине не все равно, но не мог понять, что ею движет. Какая-то маниакальная жестокость по отношению к себе. Третье письмо постигла схожая участь. Рината не шелохнулась, не делая попыток остановить парня. Да пошло оно все! Игорь кинул третий уголок к первым двум и включил воду. Пепел непрочитанных слов, подхваченный струей, превратился в ничто, вызывая в душе сожаление и скорбь.

Приблизившись к Ринате, он тихо сказал:

– Она не просто так писала письма, а хотела сказать то, что ты не желала слышать. Я могу сжечь каждое на твоих глазах, Рината, но что потом?

– Мне все равно, – хрипло повторила она.

– Ты можешь строить из себя снежную королеву, которой безразличны чувства других людей. Можешь даже заставить поверить в это окружающих. Но ты вовсе не такая, о чем нам уже известно. Просто разреши себе хоть что-то. Поверь, станет легче.

Рината отвела взгляд и дернула плечиком. Не последовало ни возражений, ни криков, ни слез: сложно оценить, хорошо это или нет. Одно Игорь знал наверняка: сцена с письмами его порядком измочалила. Больше не проронив ни слова, он направился в спальню.

Когда дверь закрылась, Рината трясущимися руками сгребла оставшиеся конверты и усеялась на табурет. Прикрыла глаза. Из груди вырвался то ли всхлип, то ли стон: она сама толком не понимала. Хотелось накинуться на Игоря с требованиями никогда не трогать ее вещи, не копаться в ее душе, не лезть туда, куда вообще не следует. А еще хотелось очутиться в его объятиях и дать волю слезам. Но она не сделала ни того, ни другого, а осталась сидеть на кухне до тех пор, пока не услышала шум в коридоре.

– Ты куда? – спросила она, наблюдая, как Игорь завязывает шнурки на дорогих кожаных ботинках. На полу стоял черный дорожный чемодан.

– Хочу отдохнуть от тебя, – честно ответил Крылов. Разогнувшись, набросил пальто, обвязал шею шарфом и удостоил Ринату вниманием. – Меня не будет три дня.

– А как же тренировки? Богославская...

– Алла Львовна в курсе. В случае чего, телефон у меня есть, – проговорил он и ушел.

Япония, Фукуока, декабрь 2013 года

Алла молча протянула чехлы Ане, только что покинувшей лед. Та, даже не посмотрев на тренера, взяла их и, не надевая, прошла в «уголок слез и поцелуев». Матвей тоже был немногословен.

– Что случилось? – спросила Алла, но он лишь покачал головой и прошел следом за партнершей.

Присев рядом со спортсменами на диванчик, Алла устремила взгляд на экран. Можно не ждать чуда – заваленный каскад и недокрут с падением на сольном прыжке откидывали Аню с Матвеем за пределы призовой тройки. Если бы соперники откатались с серьезными ошибками, у них бы еще оставался шанс, но теперь...

Титова увидела оценки, и из груди ее вырвалось нечто похожее на рык.

Повернувшись к Алле, она заговорила негромко, но так, чтобы слова были отчетливо слышны и партнеру:

– Вы довольны, Алла Львовна? Это именно то, чего вы желали, не правда ли?

– О чем ты, Анна?

– Я о приоритетном выборе между этапом Кубка и финалом Гран-при. О выборе между первым номером российской сборной и парой, которая даже на чемпионат России вынуждена продираться через Кубок. Вы должны были ехать с нами в Японию, Алла Львовна, причем сразу же, а не отправлять вместо себя хореографа!

– Это не тебе решать, Анна, – Богославская смерила девушку строгим взглядом и поднялась. – Оденься, – сунула ей олимпийку, которую до сих пор держала в руках и добавила: – Я не делю учеников на первых и вторых. Так уж получилось, что теперь не только вы в группе претендуете на участие в Олимпийских играх, но пути у вас разные.

Алла посмотрела на Матвея и снова перевела взгляд на Аню:

– Кто-то не имеет права оступиться на этапе Кубка России, а кто-то должен доказывать лидерство в финале Гран-при. Вы чемпионы мира. Помни об этом, когда решишь обвинить другого в своих неудачах.

Не желая участвовать в продолжении неприятной сцены, Алла ушла. Не сказать, чтобы упрек был несправедливым, однако сейчас она не чувствовала в себе сил продолжать разговор.

Аня проводила тренера полным злой обиды взглядом и, надев олимпийку, рваным, нетерпеливым движением застегнула молнию до горла.

– Пойдем, – Матвей сделал попытку взять партнершу за руку, но она отпрянула и одарила тем же взглядом, что и Богославскую.

– Не трогай меня! – на эмоциях отрезала Титова. – И не надо меня успокаивать, Матвей! Ненавижу эту выскочку! Золотая девочка, чтоб ее!

– Почему ты так относишься к Ринате, Ань? – с искренним недоумением спросил Князев. Характер у партнерши всегда был непростым, но после появления в группе Ипатовой она словно с цепи сорвалась. – Вы дружили. Что случилось?

– Нас обошла Максакова! Если ты совсем ничего не понимаешь, посмотри хотя бы на наши баллы! Сто двадцать пять, Матвей! Думаешь, Богославская оставит в проигрыше свою любимицу? Так все время было, ясно тебе?! Всегда! Я пахала не меньше, чем Ипатова, но разве мои старания хоть что-то значили? Ей стоило только попросить, и были готовы коньки, лезвия, лучшие платья и программы. Поначалу это не казалось мне важным, а потом я... я радовалась, что она свалила. Но нет, вот опять...

– В сегодняшнем фиаско не Рина виновата и не Алла Львовна, Ань, а только мы с тобой.

– Ты хочешь сказать – я, – Анна скривилась.

– Думай, как хочешь.

Матвей покачал головой и удалился в том же направлении, что и Алла минутой ранее, оставив партнершу наедине с мрачными мыслями и тяжелыми переживаниями.

* * *

Игорь был рад возможности сменить обстановку хотя бы на несколько дней, поэтому с удовольствием принял предложение Аллы Львовны поехать вместе с ней в Фукуоку. Сейчас, сидя на трибуне, предназначенной для гостей, и наблюдая за спортсменами, он понимал, насколько соскучился по крупным международным турнирам. Возможность соревноваться с сильнейшими, стоять на льду под пристальными взглядами тысяч зрителей, заряжаться энергией, кататься так, чтобы не жалеть об упущенном времени...

Только что завершились выступления пар, и зрители схлынули, радуясь нескольким минутам перерыва и возможности размяться, выпить кофе и перекусить. Игорь же уходить не спешил. Он наблюдал, как разъезжают по катку две ледозаливочные машины, и думал о том, что им с Ринатой нужно работать еще усерднее. Соперники не дремлют. Стоило Титовой с Князевым завалить прокат, как их тотчас обошли куда менее титулованные, но готовые побеждать Оля Максакова и Ваня Устинов. Они заняли третье место и радовались в КИКе¹ так, будто выиграли олимпийскую медаль. Наблюдая за выступлением фигуристов, Игорь отметил, что выглядят они на общем фоне весьма достойно. Высокий, хорошо сложенный партнер сразу притягивал к себе внимание. Жесткие, даже резкие черты лица придавали ему несколько агрессивный вид, прямые каштановые волосы падали на лоб и скрывали виски. Ольгу назвать красавицей трудно: обычная девушка с нормальной, пропорциональной фигурой. Но и в ней было нечто такое, что не позволяло смотреть на нее лишь как на тень партнера. Поставленные со вкусом программы оказались отлично сбалансированы, а костюмы полностью отражали выбранные образы.

В общем, выглядели соперники отлично и на льду представляли серьезную угрозу. Первые два места заняли китайская и канадская пары. Сплоченность, понимание друг друга и того, что именно они хотят воплотить на льду – вот в чем заключалась их сила.

Игорь достал телефон и выбрал из списка контактов номер Ринаты, но помедлил с вызовом. Он уже двое суток в Японии, а она до сих пор не позвонила. Как она? Поняла ли, чего он добивался? Эти вопросы волновали Крылова с того момента, как он вышел из квартиры и запер дверь.

– Я даже спрашивать не буду, почему ты один сидишь, – знакомый звонкий голос прозвучал совсем близко.

Игорь повернул голову и довольно улыбнулся. Девушку, присевшую рядом, он не видел пару лет, и за эти годы она совсем не изменилась. Та же кривоватая усмешка, лукавый взгляд голубых глаз, длинные черные волосы, рассыпанные по плечам. Марина Самарина была важным человеком в его жизни и, пусть в личных отношениях у них не задалось, они остались хорошими друзьями и всегда находили время для встреч.

– Я очень рад тебя видеть, – Игорь легонько толкнул Марину плечом.

– На самом деле я тоже. Но не могу понять, что ты забыл в Японии, когда твоя партнерша находится в Москве.

– Мне нужно развеяться, – хмыкнул Игорь. – Как ты?

– Как-как? – Марина пожала плечами. – Работа, дом, работа, работа, работа... – она тихонько засмеялась и посмотрела на парня. – Даже сейчас я буквально на пять минут: скоро начнется пресс-конференция пар, и я не могу ее пропустить. Ты, Крылов, конечно, дал жару! –

¹ Место, где фигуристы ожидают оценок. Аббревиатура образована от английского сленгового выражения из фигурного катания *Kiss & Cry* (Кисс-энд-Край), что в переводе означает «целоваться и плакать». (Здесь и далее прим. ред.)

ухмыльнулась Самарина. – О тебе и партнерше только ленивый за океаном не говорит. Как тебе удался финт ушами?

– В смысле? – озадачился Игорь.

Марина, придвинувшись поближе, шепнула:

– Как тебе удалось вытащить из подземелья заколдованную принцессу?

– А-а-а... Ну... – нахмутив лоб, Игорь заговорщицки подмигнул и понизил голос: – Но никому не рассказывай.

– Могила! – заверила его Марина.

– Я спустился в подземелье...

– А как ты нашел подземелье? Оно ведь скрыто от посторонних глаз?

– Мне подсказало одно... зеркальце. Оно обожает быть в курсе всего, что творится в королевстве.

– Мне бы такое зеркальце, – хихикнула Самарина, на что Игорь наградил подругу снисходительным взглядом.

– А оно очень... мм... скажем, вредное. Вы с ним точно не поладите.

– Ладно, черт с ним! Что дальше-то было? – Марина в нетерпении закусила губу.

– Отыскал я подземелье. За годы, которые провела взаперти принцесса, оно практически развалилось, но мне удалось проникнуть внутрь. Там было жутко холодно и сыро, а потом я нашел отдельную темницу, в которую заточили принцессу.

– И освободил ее?

– Самарина, не беги впереди паровоза! – шутливо возмутился Игорь. – Проблема заключалась в том, что ей было комфортно – и красавица не захотела никуда уходить.

– Комфортно в темнице? – фыркнула Самарина.

– Ага. Принцесса боялась, что после стольких лет, проведенных в темноте, не сможет выйти на свет.

– Она в вампира, что ли, превратилась? – Марина хлопала ресницами и почесала затылок.

Игорь задумался и улыбнулся:

– Неплохое сравнение. Иногда я уверен, что так оно и есть. Но не суть. Я уговорил прекрасного вампиреныша выбраться из подземелья.

– Как-то все просто для сказки.

– А самое интересное только начинается, – вздохнул Игорь. – Выяснилось, что именно принцесса обрекла себя на такое существование. Никто никуда ее не заточал.

– Но какой смысл? Если бы принцесса не исчезла и не оставила королевство без законной правительницы, то наверняка бы стала королевой... – улыбка на губах Марины внезапно погасла.

– Она спряталась в подземелье.

– Да ладно! Но от кого? Все же любили ее.

– За ней гналось чудовище. Его невозможно победить, оно какое-то... бессмертное. Ему нужна принцесса, оно хотело завладеть ею, подчинить своей воле, заставить править королевством так, как ему необходимо. А я узнал об этом слишком поздно.

– И чудовище снова объявилось?

– А оно никуда и не исчезало, – глядя на пустующий лед, проговорил Игорь. Ледозаливочные машины закончили работу, и гладкая поверхность катка застыла в ожидании выхода фигуристов. – Принцесса – отражение чудовища. И чем глубже в подземелье она пряталась, тем ближе оказывалась к монстру. Бедняжка не понимала, как же такое возможно, она ведь бежала от него, а получалось, что от самой себя. И чтобы сердце ее не досталось чудовищу, приняла решение превратить его в кусок льда.

Игорь замолчал, а Марина, недоуменно покачав головой, дотронулась до сжатой в кулак руки парня.

– Какая-то грустная сказка с несчастливым концом.

– Я надеюсь, что до конца еще далеко, – он накрыл пальцы Марины своей ладонью и добавил: – Я буду бороться за сердце принцессы.

– Ты любишь ее? – мягко проговорила Марина.

– Видишь, как я вляпался? Желал получить королевство, а в итоге хочу лишь одного: чтобы сердце ее оттаяло. И пусть никакие чудовища никогда не появляются в ее жизни.

– Буду держать за тебя кулачки.

Марина ободряюще стукнула Крылова по плечу. Посмотрела на часы и, вздохнув, виновато сообщила:

– Прости, но мне пора идти.

– Долг зовет, – уголки губ Игоря дрогнули в понимающей улыбке. – Конечно.

– Скоро увидимся.

Она встала и начала пробираться мимо уже усаживающихся на места зрителей. Очутившись на лестнице, махнула на прощание:

– Пока!

Сбежав по ступенькам вниз, Марина скрылась под трибуной, а Игорь устался на лед.

– Леди и джентльмены, начинаются соревнования среди фигуристов, выступающих в мужском одиночном катании, – прозвучало сперва на японском, а затем на английском.

Когда приятный женский голос разнесся по стадиону, на лед один за другим вышли спортсмены. Достав телефон, Игорь проверил звонки и эсэмэски. Ничего.

Москва, декабрь 2013 года

Рината вошла в гостиную, поставила чашку с горячим душистым чаем на журнальный столик и забралась на диван. Закинула на сиденье ноги. Из одежды на ней были лишь розовые носки и теплый шерстяной темно-синий свитер. Он едва прикрывал ягодицы, и будь здесь Игорь, обязательно бы отправил ее переодеваться, но парень отсутствовал. Бросил ее, а сам взял и укатил в Японию.

По телевизору давно началась трансляция финала Гран-при, выступали одиночники. Рината зевнула и, дотянувшись до чашки, сделала глоток чая. Ниточка от пакетика попала под пальцы, и Рина аккуратно, чтобы не расплескать напиток, отодвинула ее в сторону. Ради того, чтобы посмотреть на фееричный провал Титовой, встала в восемь утра и теперь, все еще борясь с сонливостью, наблюдала, как по льду скользят фигуристы, выступающие в первой разминке.

Рина вытянула ноги и без зазрения совести положила их на низкий столик. Откинула голову на мягкие диванные подушки. Взявшись за плотно облегающий шею ворот свитера, подтянула к лицу и сделала глубокий вдох. Мягкая шерсть пахла Игорем, мужским парфюмом, и согревала ее тем же теплом, что и его руки. Два дня назад она, словно воришка, стащила свитер из гардероба Крылова и натянула на себя. На парне он сидел отлично, ей же оказался велик. Рукава свисали, делая ее похожей на Пьеро из сказки про золотой ключик, и пришлось подвернуть их. Но мелкие неудобства казались несущественными по сравнению с тем, что теперь она не столь остро ощущала одиночество, охватившее ее, стоило партнеру уехать. Только недавно Рината начала понимать, что слишком сильно привыкла к Игорю, причем до такой степени, что девушке с трудом давались несколько дней, проведенных вдали от него. Квартира, светлая, большая, удобная, превратилась в неуютную, времени стало чересчур много, а тишина пробиравась в каждый уголок души. Она скучала по нему. Как бы Рина ни пыталась гнать эти мысли, в конце концов пришлось смириться.

И сейчас она, независимая и гордая, сидела в его свитере...

Девушка протяжно выдохнула и потянулась. Случайно задела одно из писем, веером лежащих на краю столика, и смахнула на пол. Подобрала и внимательно посмотрела на ровные буквы. У Богославской, в отличие от Риной, был красивый почерк. Да что уж, она красива целиком – от кончиков ногтей до мягкого голоса. Очаровательная, женственная, все, за что бы ни бралась, получалось у Аллы великолепно.

Зато у Ринаты все всегда через одно место. Она не способна выразить чувства в строчках, излив переживания на бумагу, и даже вслух сказать ничего толкового не может. Не умеет. Вернув письмо к остальным, Рина взяла всю стопку и положила в коробку. Накрыла крышкой и поставила рядом – на диван.

– До окончания разминки остается минута.

За тысячи километров отсюда, в Стране восходящего солнца, спортсмены начали потихоньку покидать лед. Рината пошарила под яркими декоративными подушками и, достав телефон, проверила, нет ли пропущенных звонков. Ни одного.

Япония, Фукуока, декабрь 2013 года

Богославская стояла в сторонке от основной тусовки на банкете, устроенном по поводу окончания соревнований в финале серии Гран-при, где ее ученики заняли лишь четвертое место, уступив второй паре сборной, – Ольге Макаковой и Ивану Устинову. Слова, сказанные Анной после проката, перекачивались, звучали отголосками затихшей бури. И самое печальное, что винить ее Алла не могла, попросту не имела права. Какими бы резкими ни были обвинения, в них присутствовала значительная доля справедливости.

Алла осмотрелась и взглядом выцепила Аню из общей массы. Фигуристка в коротком темно-бордовом платье с круглым вырезом и россыпью блесков по подолу, будто бы и не расстраивалась. Стояла в окружении довольных ее вниманием ребят, громко смеялась и пила шампанское. Однако Богославская понимала: веселье – напускное. Аня подавлена, огорчена и тяжело переживала поражение. В интернате при школе эта девочка, приехавшая из городка на Урале, появилась, когда ей только-только исполнилось восемь лет, и с тех пор упорно шла к титулу чемпионки мира. Трудный характер давал знать о себе еще в детстве, а с возрастом она и вовсе стала капризной, завистливой и эгоистичной. Но имелись у спортсменки и положительные черты, например, целеустремленность и огромная сила воли. Алла помнила и в тайне восхищалась тем, как в сложный пубертатный период Титона старательно следила за весом, не позволяя себе лишнего куска, и уходила позже сверстников из тренажерного зала, поскольку боялась потерять форму.

Но сейчас Титова копила злобу: на Аллу, на Матвея и даже на Ринату. Винить в личных поражениях других людей ей куда проще, да и Богославская чувствовала за собой определенную неправоту...

Алла поднесла к губам бокал с красным вином и сделала небольшой глоток. К горлу подступила тошнота. Решив, что не стоит употреблять алкоголь на голодный желудок, она неспешно дошла до стола с закусками, поставила вино на пустой поднос и взяла канапе с сыром и крупной зеленой виноградиной.

– Отлично выглядишь.

К ней приблизился Бердников. Оценивающе осматривая Аллу, задержался на тонких запястьях, а после перевел взгляд на лицо.

– Ты тоже неплохо, – ответила Алла и сделала попытку уйти, но Владимир удержал ее, обхватив за талию. Она напряженно выдохнула и шагнула назад. – Чего ты хочешь?

– Поговорить, – убрав руку, улыбнулся Владимир.

– Незачем мне с тобой разговаривать. Я хочу, чтобы ты оставил в покое и меня, и моих спортсменов.

В пристальном взгляде Бердникова читалось раздражение. Алла схватила бокал и, залпом осушив, вернула обратно. Молча махнула рукой и направилась прочь.

– Ты даже минуту побыть рядом со мной не можешь? – бросил вдогонку Бердников.

Алла медленно повернулась. Будто не веря собственным ушам, тряхнула головой. Длинные серебряные серьги с фианитами качнулись в такт. Перекинув через плечо волосы, собранные в высокий хвост, Богославская провела рукой по светлым прядям и подняла на Владимира глаза.

– А что изменится, Владимир Николаевич? Разве можно за минуту переписать годы страданий, на которые ты обрек меня и дочь? Меня тошнит от тебя, Бердников! Знаешь, каждый раз, когда мне кажется, что стало чуть-чуть легче, я вспоминаю тот вечер за несколько недель до Олимпийских игр в Ванкувере. Вот именно тогда ты умер для меня, Бердников, навсегда!

– Алла... – Владимир подался было к ней, но Богославская, больше не проронив ни слова, устремилась к яркой и безликой толпе.

Москва, январь 2010 года

– Кто родители Ринаты? – без стука ворвавшись в кабинет главы Федерации, с порога задала вопрос Алла.

Владимир оторвался от компьютерного монитора и, ничем не выказывая растерянности, посмотрел на неожиданную гостью. Лицо Аллы было бледным и встревоженным, всегда идеально уложенные волосы – растрепаны, пальто распахнуто, а тонкий кашемировый шарф висел на шее так, что один конец болтался где-то в районе талии, а второй едва достигал груди.

– Я не знаю, – спокойно ответил Бердников, вставая из-за стола. Мужчина пересек кабинет, закрыл дверь и, взяв Аллу под локоть, попытался усадить на диван.

Но Богославская вырвалась и, устремив на него дикий, совершенно непреклонный взгляд, повторила:

– Кто ее родители, Володя?

Бердников молчал. Смотрел на нее в упор, но говорить не мог.

– Скажи, что она не наша дочь, – голос ее, мягкий, проникающий в душу, стих. Алла сжала кулаки.

Она глядела на Бердникова, не мигая, и ждала. Но чего... она не понимала до конца. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы родной ребенок был жив, а скорбь, рука об руку идущая с ней долгие годы, осталась в прошлом, однако у огромного, не сравнимого ни с чем желания имелаась и другая сторона – жестокое, расчетливое предательство.

Если ребенок жив, а Рината – трудолюбивая, ласковая, талантливая девочка, – ее дочь, значит он... человек, который сейчас стоит перед ней, мужчина, которого она любила больше жизни, сознательно лишил Аллу будущего. Сломал, поглумился над чувствами и бесстрастно, вот так же, как и сейчас, шестнадцать лет наблюдал за ее агонией.

– Ответь мне, Бердников.

– Кто тебе рассказал? – пробормотал он.

Алла неверяще покачала головой.

– Я задаю тебе прямой вопрос, а тебя интересует, кто проболтался? О ком? О Ринате? Бердников, я не дура! Она – твой ребенок. И если я – не ее мать, получается, что ты изменял мне. И врал! Попытался доказать, что моя беременность – вовсе не то, что нужно, а сам... – Богославская поджала губы и вплотную подошла к Владимиру, застывшему на месте. Взглянув на него, еле слышно попросила: – Скажи мне правду хотя бы теперь.

Но слова мало напоминали просьбу: в сознании Бердникова они прозвучали пулеметной дробью, ракетными ударами, оставляющими глубокие воронки и груды обугленной мешанины

из трусости, упрямства и глупых амбиций. Он смотрел в выразительные серые глаза женщины, которую любил нежно и долго, но чувствовал себя так, будто видел перед собой палача.

Алла сделала шаг назад и, едва не оступившись, покачнулась. Положила на диван объемную коричневую сумку.

– У меня никого не было, кроме тебя, – наконец проронил он.

– Нет! – Богославская замотала головой. – Ты не мог так поступить... – из груди ее вырвался хрип. – Невозможно, Володя. Нет...

– Рината – твоя дочь, Алла, – Владимир понимал, что врать и дальше уже не имеет смысла. Минута, о которой он думал шестнадцать лет, настала.

– Нет! – еще яростнее затрясла головой Алла. Полные отчаянья глаза заволокло слезами, губы задрожали. – Нет, Бердников! Господи... – Богославская опустила на диванчик и сжала виски ладонями.

– Алла... – Владимир подошел к ней и с трудом опустился на колени. – Мне нет прощения, знаю...

Богославская посмотрела на него с такой тоской и болью, что он, не выдержав, на мгновение зажмурился. Никакие оправдания не помогут. И должно быть, ничтожными кажутся ей его отговорки, если даже в нем они вызывают только отвращение и презрительную жалость.

– Как? – бесцветный голос стал отражением пустоты, застывшей в глазах. – Расскажи мне.

– В тот день... в день рождения Ринаты, в роддоме, где ты лежала, родился мертвый ребенок. Мальчик. Я договорился с нужными людьми, дал денег. Тогда были девяностые... И за деньги...

– Зачем? – перебила Алла, продолжая смотреть мимо него пустым, невидящим взором.

– Ты – лидер сборной – и должна была выступить на Олимпийских играх. Вернее, я считал, что события будут развиваться именно таким образом. А ребенок... Я решил, что он наверняка поставит крест на твоей спортивной карьере, Алла. Я думал, ты оправишься и снова будешь кататься.

– Ребенок... – Алла усмехнулась. – Зачем ты так со мной? С нами? Это же наша дочь, Володя! Наша!

– Алла... – он попытался взять ее за руку, но она не позволила – вырвалась и уперлась ладонями в сиденье дивана.

– Перед тем как... как отдать... ты видел ее?

– Нет.

– Неужели ты мог это сделать? – Богославская еще не вполне осознавала, не до конца верила в реальность происходящего. Но разве в такое можно поверить? В жестокость человека, которого она столько лет ни на день не переставала любить?..

Значит, золотые медали для него важнее родного ребенка?

– Что тебе еще рассказать? В какой именно момент ко мне пришла такая мысль? Вряд ли это столь важно, Алла. Я трус, который не смог посмотреть тебе в глаза и признаться, что дочь жива. Лжец, шестнадцать лет наблюдающий, как ты хранишь воспоминания о мертвом ребенке, которого ни разу не видела, – сказав, Владимир поднялся и присел на диван. – Я подлец, разрушивший и твою жизнь, и жизнь Ринаты. Впервые нашел в себе силы встретиться с девочкой спустя пять лет. А потом уже не мог оставить ее в детском доме. Хотел удочерить, но мне позволили лишь оформить опеку. И...

– Ты привел Ринату ко мне. Чтобы я присматривала за ней и с каждым годом все больше убеждалась, что она твоя дочь, – опустив голову, проговорила Алла. – С момента встречи с тобой вся жизнь полетела кувырком. Почему ты молчал раньше? Почему? – Она вскинула на него глаза.

– Я боялся.

– Чего?

– Вот этого взгляда, – признался Владимир. – Да, звучит странно, но я страшился лишиться тех крох, что теперь уже потеряны. Я бы признался тебе. Я действительно хотел, но не смог.

– Она родилась семимесячной, Володя. Крохотная. Совсем малышка. Она нуждалась во мне. Нас нельзя было разлучать. Мне следовало ее оберегать, а ты... ты заявил, что мой ребенок умер. Но не смог сказать, что он жив, – Алла резко поднялась на ноги и, глубоко вдохнув, шумно выдохнула. Повернулась к Владимиру, мрачно сидящему на диване. – Ты сегодня же выложишь Ринате правду.

– Нет.

– Что значит «нет»?! Опять испугался?

– Я расскажу ей после Олимпиады. Девочка должна выступить и...

Бердникова прервал громкий надсадный смех Аллы.

– Ты хоть слышишь себя?! Олимпиада? Володя... Какая Олимпиада?! Или даже сейчас соревнования для тебя важнее родного ребенка?! Жизнь тебя ничему не учит, Бердников! Ты сегодня же все сообщишь Ринате! – она шагнула к нему и посмотрела в упор. – Иначе я разрушу то, что у тебя еще осталось.

В лице Аллы появилась непоколебимая решимость. Она походила на подстреленную волчицу, которая из последних сил бьется за детенышей.

Этот взгляд он видел только один раз. Много-много лет назад, когда сказал ей, что необходимо сделать аборт.

– А ты подумай о ней.

– О ней я постоянно думаю!

– Для Ринаты лед – единственная страсть, Алла! И ты хочешь лишить ее золота? Ты представляешь, какая у нее подвижная психика? Думаешь, она доедет до Ванкувера, после такие новостей?

– Мы не знаем, как девочка себя поведет.

– Наверняка, – согласился Владимир. – Но я уверен, что сезон для нее завершится. Алла, давай подождем окончания Олимпийских игр, и я все ей расскажу. Обещаю.

– Сразу после окончания, – подытожила она.

– Да, – кивнул Владимир.

Алла, не взглянув на него, взяла с дивана сумку и вышла, тихо прикрыв за собой дверь кабинета. Мужчина, которого она любила много лет, оказался еще хуже, чем она могла предположить. Он, как беспощадное пламя, прошелся по ее жизни, оставляя за собой лишь обгорелые остовы радости, счастья, ее планов и мечтаний. Горькое непонимание смешалось с холодной пустотой, столь долго заполнявшей огромную часть ее души. Будь проклята Олимпиада в Лиллехаммере!

Будь прокляты все Олимпиады на свете – и медали и соревнования! Голова нещадно болела, к горлу подкатывал тошнотворный ком, но Алла упрямо выстукивала каблуками ровную дробь шагов. Чувства скручивались в душе маленькими смертоносными ураганскими вихрями, те соединялись на миг, сталкивались и распадалась. Сердце требовало, не медля ни минуты, рассказать Рине все без утайки, но разумом Алла понимала, что на сей раз Бердников прав. Месяц...

Всего лишь месяц...

Глава 5

Москва, декабрь 2013 года

Перелет был долгим, еда в самолете – отвратительной, но, несмотря ни на что, Игорь чувствовал: ему удалось проветрить голову. Короткий перерыв в бесконечных баталиях с Ринатой помог навести порядок в мыслях и набраться сил для дальнейших схваток. Последних, впрочем, Крылов намеревался по возможности избегать. Нравится Рине есть себя поедом – пускай. На какое-то время он оставит ее в покое, а дальше...

Дальше будет видно.

Сунув ключ в замочную скважину, провернул его и толкнул дверь. В квартире стояла тишина – такая бывает, когда никого нет. Она будто зависла повсюду, сделав воздух густым и пыльным. Неприятное предчувствие закралось в душу, обдало едва успокоившиеся нервы вспыхнувшим раздражением. И почему Игорь не подумал раньше? Бегство – лучший способ решения проблем, по крайней мере, в извращенном понимании ненормальной партнерши.

Игорь швырнул чемодан, и тот глухо стукнулся ручкой о стену. Пальто полетело на тахту, накрытую покрывалом в индийском стиле, скинутые ботинки остались возле двери. Крылов сделал несколько шагов к спальне, но замер, едва не столкнувшись с растрепанной и взбужденной Риной. Одернув край футболки, она посмотрела на парня и нахмурилась. Губы ее сжались, крылья носа дрогнули. Раздражение Игоря еще не отступило, и теперь он выглядел так, словно его застали врасплох.

– Можешь валить обратно, – бросила Рината без особого энтузиазма и почесала бедро. – Мне и без тебя неплохо.

– Могу и свалить, – отозвался Игорь, окинул ее многозначительным взглядом, развернулся и направился к входной двери.

– Эй! – полетело ему вдогонку с отчетливым негодованием.

Через мгновение Игорь почувствовал, как в локоть впиваются тонкие, но цепкие, как когти, пальцы. Рината дернула его с такой силой, что Крылов от неожиданности покачнулся, но этого ей, очевидно, оказалось недостаточно.

– Никуда ты не пойдешь! – заявила она, толкая его ладонью в грудь.

Игорь сдался. За прошедшие три дня она, похоже, растеряла и последние крупинки чувства юмора, и остатки здравого смысла.

Глядя в полные возмущения глаза, он с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться в голос, но, когда Рината, толкнув Игоря еще раз, прижалась к нему хрупким, теплым телом, стало вовсе не до смеха. Руки его невольно опустились на ее округлые ягодицы, тонкий хлопок футболки скомкался под пальцами. От нее пахло свежестью, кофе и барбарисками, а губы, настойчивые и требовательные, так и напрашивались на непристойные поцелуи.

Отказывать себе в этом Игорь не стал. Язык скользнул в ее рот, столкнулся с ее языком, пальцы впились в нежную кожу. Протяжно и вульгарно застонав ему в губы, Рината закрыла глаза и откинула голову, настаивая на продолжении ласк. И пропади все пропадом!

Рината стала его персональной черной дырой, засасывающей волю, убеждения и прежние идеалы. Странная принцесса мрачного подземелья...

Спустив ее трусики, он позволил им упасть к тонким щиколоткам и снял с себя свитер. Рината тотчас осыпала его грудь мелкими влажными поцелуями, едва не мурлыча от удовольствия, погладила живот Игоря и занялась пряжкой ремня. Ее волосы щекотали его руки и подбородок, прикосновения губ заставляли делать глубокие, шумные вдохи. Тело Рины под

ладонями Игоря было гибким и сильным, и он, желая видеть ее, едва не разодрал футболку в клочья. Оставшись обнаженной, она сделала шаг назад и улыбнулась. Зная, как он любит смотреть на нее, давала парню возможность насладиться зрелищем. Маленькая высокая грудь, тонкие руки с хрупкими запястьями и узкими кистями, невозможно длинные ноги, гладкий треугольник чувственной женственности.

Он рассматривал ее неспешно, наслаждаясь тем, что предстояло ему совершить, разогревал желание, и без того струящееся по их венам единым потоком. Руки Игоря не двигались, но ей казалось, что он ощупывает ее, изучает, трогает нагло и с полным осознанием того, что имеет на это право. На губах его появилась довольная ухмылка, но Рината не собиралась оставаться послушной добычей. Тряхнув головой, провела пальцами от шеи до груди и, словно невзначай, пропустила пятерню сквозь тяжелую волну волос. Игорь смотрел на нее неотрывно, и каждое ее движение порождало в его зрачках все новые и новые языки пламени. Она играла с огнем и знала это, и, когда он, не сдержавшись, пересек одним широким шагом разделяющее их расстояние, была готова гореть вместе с ним...

Пытаясь подняться с пола, Рината задела рукой скомканные джинсы Игоря и не сдержала смехок. От паркета тянуло холодом, но разгоряченная кровь не давала замерзнуть.

Игорь взял Рину за ладошку и потихоньку прихватил пальчики зубами, поцеловал и посмотрел девушке в глаза.

– Предлагаю перебраться в постель, – сказал он, вставая, и потянул ее за собой.

Рината выпрямилась во весь рост и, недолго думая, прижалась к его обнаженной груди.

Мечтательно вздохнула и, еще немножко пьяная от случившегося, призналась:

– Вообще-то, я соскучилась.

– Я заметил.

Игорь пригладил ее взъерошенные волосы, провел ладонью по узкой спине и тихо добавил:

– Я тоже скучал по тебе.

Держась за руки, они прошли в спальню и устроились под одеялом. Рината снова вздохнула, положила голову Игорю на плечо и принялась водить пальчиками по его телу, вырисовывая цветочки, листики, медленно закручивая вокруг сосков невидимые спиральки удовольствия. Не выдержав, он накрыл ее ладошку своей и потихоньку сжал. Желание, только-только начавшее утихать, разгоралось с новой силой, но он не хотел торопиться. Чувствовал рядом Рину и понимал: это нравится ему столь же сильно, как и то, что случилось чуть ранее.

Она приподняла голову и посмотрела ему в лицо. Игорь едва не спросил Ринату, что она сделала с письмами. Захотелось тряхнуть ее за плечи, разорвать конверты и сунуть испещренные неизвестными строчками листы ей в руки, чтобы она начала говорить об этом, но девушка молчала, и он оставил все как есть. Очертил пальцами ее брови, скулы, линию подбородка. Рината дернулась, словно прикосновения обжигали, и, пытаясь скрыть неловкость, переплела его пальцы со своими. Он знал, что любое выражение чувств пугает ее сильнее реальной опасности, и решил сделать вид, что ничего не заметил.

– Как в Японии? – спросила она, складывая руки у него на груди. Подбородок уперся в изящные кисти, волосы рассыпались черным шелком.

– Что тебя конкретно интересует? – поглаживая ее, усмехнулся Игорь.

Рината фыркнула, но хитринки в хрустале голубых глаз красноречиво свидетельствовали, что оба они думают об одном и том же.

– По-моему, ты действуешь Титовой на нервы, – ладони Игоря замерли на ее лопатках.

На лице Риной отобразилось что-то вроде удовлетворенного пренебрежения, а губы скривились в привычной улыбке.

– Я смотрела трансляцию.

Плечи Рины под его руками слегка дернулись.

– Зачем тогда спрашиваешь?

Она промолчала. Но Игорь отлично знал, почему она спрашивает. Вампиреныш... Он усмехнулся, подумав об этом, и мышцы живота напряглись. Рина приподняла бровь.

– Нравится тебе смаковать кровь соперников? – усмешка Крылова стала еще откровеннее.

Рината не обиделась. Напротив, на губах девушки появилась самодовольная ухмылка. Для полноты картины не хватало только длинных острых клыков, но Игорь был уверен – даже это не остановило бы его от того, чтобы, обхватив затылок Рины, притянуть ее к себе и с удовольствием прижаться губами к губам.

* * *

Из колонок звучало лиричное Адажио Альбини, а двое фигуристов, рассекая гладкую поверхность льда, оживляли музыку, добавляли мелодии ярких красок красивым, выразительным катанием.

Алла пристально следила за прокатом подопечных, исполняющих произвольную программу. Рината и Игорь разомкнули руки и зашли на каскад. Толчок, три с половиной оборота в воздухе, приземление, снова вверх и очередное чистое приземление. Мелодия по-прежнему струилась, вилась, но Рина вдруг остановилась и бросилась Игорю на шею. Впервые за все время тренировок каскад получился идеально чистым. Если только аксель они прыгали уже уверенно и стабильно, то каскад до сих пор давался с трудом.

– Рината! Игорь! – громко окликнула молодых людей Алла. Фигуристы синхронно обернулись к ней, и Богославская, с недовольством покачав головой, продолжила: – Вы и на чемпионате России посреди произвольной программы остановитесь и будете радоваться хорошо исполненному каскаду? У нас прогон программы, а здесь что творится? – выгнув брови, спросила она.

Двое на льду ждали, когда один заступится за другого, и в итоге Алла слышала только музыкальные переливы. Выражение лица Игоря было виноватым, а Рината состроила кислую мину.

Богославская решила, что девушка скажет ей что-то грубое, язвительное, но та лишь выдохнула и, повернувшись к Игорю, проговорила:

– Давай заново без остановок.

Даже Крылов, похоже, готовился к чему-то более масштабному и разрушительному.

Парень неуверенно тряхнул головой, убрал падающие на лоб волосы и попросил:

– Алла Львовна, может, поставим трек с самого начала?

Богославская чуть заметно приподняла уголки губ и нажала на паузу. Когда пара заняла исходное положение, запустила дорожку с первой ноты. Со стороны все казалось волшебным, легким, изящным, но она знала, насколько впечатление обманчиво. В каждом мгновении – адский труд, кровь, боль и слезы. И жизнь.

Жизнь тех, кто так же, как и Алла, и ее дочь, выбрал этот путь. На сей раз каскад получился, пожалуй, еще более эффектным. После двух высоких, четких и мощных прыжков, Рина и Игорь продолжили кататься согласно постановке, и это было великолепно. Богославская увидела, как Рината улыбнулась партнеру при заходе в выброс, и удовлетворенно выдохнула.

Дочь взяла себя в руки, поставила во главу угла спорт, что сказывалось на работе. Упорства, таланта и трудолюбия им троим не занимать, а теперь сюда прибавилась и слаженность. Богославская не сомневалась, что при таком серьезном отношении к делу у Рины все получится. Она слишком амбициозна и честолюбива, чтобы сдаваться перед преградами, которые для многих являлись непреодолимыми. Как она похожа на отца...

Вспомнив о Бердникове, Алла бросила взгляд на трибуны. На верхнем ряду, укутавшись в пальто, сидел Владимир. Она не могла запретить главе Федерации посещать тренировки, но не позволяла ему спускаться к бортику и вмешиваться в рабочий процесс. Рука Богославской непроизвольно легла на живот, пальцы сжали плотную ткань пальто.

Рина и Игорь исполнили заключительное вращение и застыли в финальной позе. До чемпионата России в Сочи – считанные дни, и Алла с уверенностью могла утверждать, что пара сумеет побороться за попадание в тройку сильнейших. И вовсе не обязательно, что лишь за бронзу. После случившегося в финале Гран-при она, как следует поразмыслив, выстроила работу так, чтобы две ее ведущие пары вообще не пересекались в стенах школы. От греха подальше. Анна – достойная спортсменка и заслуживает особого внимания, но Алла знала, что должна обеспечить комфорт и Титовой, и Ипатовой.

После провала в Японии Аня тренировалась в три раза усерднее, не давая слабину ни себе, ни Матвею, что лишний раз подтверждало: Алла должна приложить максимум усилий и поставить пары в равные условия. Всем сердцем она желала дочери победы, но ирония заключалась в том, что это были личные проблемы Богославской.

С детства она верила в спортивные принципы и честную игру и отступать не намеревалась даже теперь.

– Алла Львовна, ну как? – подъехав к тренеру, поинтересовался Игорь.

За ним, тяжело дыша, подкатила Рината. Уперев руки в бока, молча взяла с борта бутылку с водой и жадно отпила. Алла перевела взгляд с дочери на Игоря.

– Если я скажу, что отлично, вы не расслабитесь? – проговорила она с улыбкой.

– И не подумаем, – подала голос Рината, вернув пластиковую бутылку на место.

– Точно, – Игорь приобнял Ринку за талию и притянул к груди. Та, даже не подумав возмущаться, прижалась к парню еще теснее. – У нас финишная прямая, Алла Львовна, расслабимся после Олимпиады, – хмыкнул Крылов.

Почувствовав, что Рината смотрит на нее, Алла приникла к бортику. Рина быстро отвела взгляд, но за мгновение до этого Богославская успела заметить в глазах дочери то, с чем не сталкивалась уже много лет.

Рината была счастлива. И Алла все бы отдала, лишь бы всегда видеть счастье в ее глазах – голубых, с мерцающими серебристыми крапинками. Все что угодно, лишь бы жизнь дочки сложилась так, как она того захочет.

Богославская вошла в женскую раздевалку, включила свет и внимательно осмотрела пол. На привычном мраморно-сером линолеуме не нашлось ничего примечательного, и женщина удрученно нахмурилась. Поставив сумку на ближайшую скамейку, нагнулась и присмотрелась. Взгляд зацепился за цветную резинку для волос, потерянную наверняка одной из девочек. Однако это было совсем не то, что она надеялась найти.

Алла взяла резинку и положила на деревянную скамью. Снова пристально осмотрела раздевалку, вспоминая, в каком конкретно месте она сегодня стояла до тренировок. Кажется, где-то у входа в душевую. Нервно выдохнув, Алла подошла к другой скамейке и опустилась на колени. Но ничего не обнаружила.

Она понятия не имела, почему так получилось. Уже одевалась после занятий, но поняла, что потерялась сережка. И ладно бы, безделушка – одна из нескольких десятков в коллекции. Но именно эта пара – усыпанные белыми фианитами серебряные колечки – была дорога как память.

Серьги с фианитами на двадцатипятилетие подарил ей дед. А ему она обязана в этой жизни всем. Он растил внуку: родителей Алла даже не помнила, воспоминаниями об отце и матери служил альбом с черно-белыми фотографиями.

Однажды дедушка купил ей коньки и привел на каток. А когда Алла резко завершила карьеру, сетовал, что поступил неправильно, и лед принес внучке одни несчастья.

Алла в какой-то степени была с дедом согласна и не понимала, что делать дальше. После беременности и трагических родов о спорте не могло идти и речи. Мысль о возвращении на лед в качестве профессионала претила ей, угнетала. Но и отдаляться от фигурного катания не хотелось. Поэтому она решила стать тренером. Пришла к Николаю Петровичу и прямо заявила, что намерена быть его помощницей. Ну а после...

Через два года Бердников построил новенькую современную школу фигурного катания и назначил Богославскую главным тренером. Она могла бы отказаться, но передумала: ведь как раз в тот момент Николаю Петровичу предложили место в одном из питерских заведений, к чему глава Федерации, Алла знала точно, не имел никакого отношения.

Да и тренерство было уже не просто работой, а стало ее второй жизнью.

Дверь раздевалки резко распахнулась, и Рината, порывистая и стремительная, влетела внутрь. Она была полностью одета и держала в руках яркую шапку с большим помпоном.

– Что вы делаете? – осведомилась девушка, заметив Аллу, которая замерла в неприглядной позе.

– Сережку потеряла, – ответила Богославская и выпрямилась. – А ты что тут забыла? Вы же вроде уехали минут двадцать назад. – Она опустилась на скамейку и отряхнула колени.

– Телефон в шкафчике, – Рината подошла к локеру и отперла дверцу. На полке и правда лежал мобильный и беззвучно приплясывал из-за непрекращающихся звонков Игоря. Рина нажала на кнопку и ответила: – Да, нашла... Минут пять. Не ворчи, сейчас буду.

Алла с интересом наблюдала за быстро меняющимся выражением лица дочери. Она хмурилась, потом улыбалась и снова морщила лоб. Если бы ей предоставили такую возможность, женщина могла бы сутками напролет сидеть рядом с Риной и разглядывать ее, пересчитывая каждую ресничку, дотрагиваясь до волос, разглаживая едва заметные складочки недовольства на коже. Она порой чувствовала себя помешанной. Ну и пусть, она просто хотела быть рядом.

Потонув в размышлениях, Богославская не сразу сообразила, что Рината медлит. Девушка сжимала телефон в руке и смотрела на мать.

– Что-то случилось? – наконец спросила Алла.

Рина ответила не сразу.

Она сделала шаг к дверям, но сразу вернулась, а затем, поджав губы, угрюмо процедила:

– Я вам помогу.

Прозвучало это так, будто Алла решила ей возражать, но та не собиралась делать ничего подобного, и обе они это знали. Кинув телефон в шкафчик, Рина расстегнула молнию на куртке и, сняв верхнюю одежду, сунула туда же. Засучила рукава бледно-голубого свитера с вывязанными на груди косичками, прошла мимо опешившей Богославской и начала проверять пол под каждой скамейкой.

– Тебя ждет Игорь, – неуверенно сказала Богославская, наблюдая, как Рината прощупывает каждый сантиметр раздевалки. Упертая и въедливая в том, что касалось ее целей, она умудрилась заглянуть даже в щель между шкафчиком и стеной.

– Да ладно, – отмахнулась дочь и скрылась за рядом локеров.

– Рината, брось ты... Нет ее здесь...

Алле не хотелось напрягать Рину и грузить ее проблемами, вовлекая в свои переживания. Как долго она мечтала побыть с ней вот так: невзначай дотронуться, поговорить, мимоходом перекинуться несколькими ничего не значащими фразами, лишь бы без той ненависти, на которую Рината была столь щедра в последние четыре года. И теперь, когда мечты начали сбываться, все снова летит в тартарары...

Но Рина не ушла, и в глубине души Алла чувствовала тепло: даже такая мелочь придавала сил.

– Нашла! – провозгласила Рината и спустя мгновение вышла из-за шкафчиков. – Она? – На ладони девушки лежала сережка с фианитами.

– Да... – Алла едва не расплакалась от охвативших ее чувств. Мысленно отругав себя за глупость, она улыбнулась и забрала тонкое колечко из серебра с переливающимися камушками. Пристально посмотрела, нахмурилась и расстроено проговорила: – Замочек сломался.

– Отнесите в мастерскую, – буркнула Рината. – Думаю, они быстро починят.

– Спасибо, – убрав сережку в нагрудный карман пальто, Алла посмотрела на дочь. – Она мне очень дорога.

– Не за что, – уголок рта Рины дернулся.

Они так и стояли, молча глядя друг на друга, пока тишину не нарушил ворвавшийся в раздевалку взвинченный Игорь.

– Я тебя долго буду ждать?! – недовольно выпалил он и притих при виде тренера. – Простите, Алла Львовна, – смущенно улыбнулся он.

– Ничего. До завтра, – Алла подхватила сумку и вышла, оставив их наедине.

– Что случилось? – спросил Игорь, проводив тренера обеспокоенно-серьезным взглядом.

– Ничего, – Рината взяла куртку и телефон. Засунула мобильный в задний карман джинсов и направилась к дверям. Остановилась у выхода и недовольно покривила губы. – Ты же домой торопишься?

– Иду я, иду!

– Свет выключи! – Рината, надевая пуховик, выскочила в холл.

– Конечно, дорогая, – пробурчал Игорь себе под нос и последовал за ней.

Глава 6

Москва, декабрь 2013 года

Рейс в Сочи задерживался уже на полтора часа, и никто не мог дать гарантии, поднимется ли вообще сегодня самолет в воздух или нет. В Москве разразилась настоящая снежная буря, и абсолютно все вылеты застопорились. Исключением не стал и авиарейс с внушительной частью сборной по фигурному катанию, отправляющейся на чемпионат России в Сочи. Тем, кто отбыл накануне, повезло куда больше, а вот они вынуждены коротать долгие минуты ожидания, занимая себя чем придется.

Рината, укутанная в куртку Игоря, дремала, положив голову парню на плечо. А он собирался послушать музыку, но телефон, как назло, сел, а для того, чтобы достать зарядное устройство, пришлось бы будить Рину, чего Крылову делать совершенно не хотелось. Нежно посмотрев на тихонько сопящую партнершу, он свободной рукой пригладил ее волосы и завел за ушко непослушные прядки, выбившиеся из слабо забранного резинкой хвоста.

Мимо, не выпуская мобильного из рук, с важным видом туда-сюда расхаживала Федорова. Она уже говорила Игорю, что теперь пашет на Федерацию, но он и подумать не мог, что Бердников назначит ее пресс-секретарем ФФКР². Это как минимум странно, и парень не знал, что смущает его больше – предложение Владимира Николаевича или то, что Лерка, мягко говоря, недолюбливающая главу Федерации, быстро согласилась сменить работу.

Впрочем, о Федоровой думать в данный момент не хотелось. У Валерии своя жизнь, и она вправе распоряжаться ею по своему усмотрению. Он лишь искренне надеялся, что она не пожалеет о сотрудничестве с Владимиром Николаевичем. Как тот может перемалывать людей, Игорь видел на примере Ринаты, да и собственный опыт забыть сложно. Он проследил взглядом за Лерой, которая подошла к сидящему в дальнем углу зала ожидания Бердникову. Тот что-то сказал, и она, кивнув, улыбнулась, после чего села рядом.

А вообще, странное у них соседство: в противоположном конце зала коротали время их прямые соперники – Ольга и Иван, напротив, через два ряда, расположились Самойлов с Решетниковой, которым тоже «посчастливилось» застрять в аэропорту. Пару раз поймав самоуверенный взгляд Максимилиана, Игорь предпочел и вовсе не обращать на него внимания. Всем предстояло сражение за место в олимпийской сборной, и Крылов даже мысли не допускал, что за бортом останутся они с Ринатой. Хватит им быть на задворках. К чемпионату России они подошли в великолепной форме. Нога Рину больше не беспокоила, и тренировались молодые люди в полную силу. Напрыгивали каскад, оттачивали элементы, работали над подержками, трудились, стараясь использовать каждую секунду драгоценного времени.

Они готовы к чемпионату, надо только выйти на лед и показать всю мощь катания, убедить судей, что именно они достойны представлять Россию на домашней Олимпиаде.

Краем глаза Игорь заметил, как Аня поднялась с кресла и двинулась к кофейному автомату. Он бы тоже не отказался от чашечки горячего кофе, но просить Титову... Парень усмехнулся и качнул головой. Забавная, должно быть, получилась бы сцена... Анна вообще с ними не общалась. И даже не здоровалась в те редкие моменты, когда они пересекались в школе. Матвей же, в отличие от партнерши, всегда был дружелюбен. Приятельские отношения у них с Игорем сложились еще в давние времена, когда Крылов выступал в одиночном разряде, и

² Федерация фигурного катания на коньках России.

нынешнее положение вещей на дружбу никак не повлияло. Человек в любой ситуации должен оставаться человеком, и соперничество этого не отменяло. Такая вот простая истина.

Но с простыми вещами у некоторых бывают огромные проблемы...

– Я уснула? – Рината пошевелилась и, сладко зевнув, почесала затылок.

– Судя по твоему храпу, да, – широко улыбнулся Игорь и получил тычок под ребра.

Рина передразнила его мимику, но тоже не удержалась от улыбки.

– Новостей про вылет нет?

Игорь понуро кивнул на табло.

– По-прежнему все рейсы задерживаются. Дополнительную информацию сообщим позже, – монотонно повторил он слова представительницы авиакомпании, вышедшей к ним полчаса назад, но лишь за тем, чтобы, извиняясь, пожать плечами. Он, конечно, понимал: сказать что-то более жизнеутверждающее она не может, но хотелось какой-то определенности.

– Главное, чтобы в итоге поездом не пришлось ехать, – поморщилась Рината. – Сутки трястись я сейчас не готова.

– И меня не привлекает эта идея, – вздохнул Игорь.

Рината выпрямилась и потянулась. Куртка Игоря сползла с плеч, и девушка, расправив, положила ее на колени. Затем стянула резинку и пересобрала волосы в хвост. Взгляд ее выперил Самойлова. Тот оживился и совершенно не стесняясь находящейся рядом партнерши, весело ухмыльнулся и подмигнул Рине. Девушка только скривила губы и отвернулась. И сразу перехватила мрачный взгляд Бердникова, направленный куда-то мимо нее. Обернулась и нахмурилась. В соседнем от них с Игорем ряду как ни в чем не бывало сидели Миронов с Аллой и, попивая что-то из одноразовых пластиковых стаканчиков, мило беседовали.

– Что такое? – уловив перемену в ее настроении, спросил Игорь и посмотрел в ту же сторону, что и Рина.

– Ничего, – ответила Рината и поежилась. Она не собиралась больше ничего говорить, но внезапно с языка слетело: – Не очень подходящее место для налаживания личной жизни.

– Ты ревнуешь, что ли? – удивился Игорь, забирая куртку с ее колен. Бросив верхнюю одежду на соседнее пустое кресло, притянул Ринату к груди и добавил: – Ни для кого не секрет, что они когда-то встречались.

Рина напряглась.

– Я не знала, – буркнула она.

– После Ванкувера, кажется.

– Он вроде женат, – Рина напряглась еще сильнее, услышав звонкий смех Аллы.

– Развелся, – Игорь хмыкнул. – А что тебе так покоя не дает? То, что Алла Львовна налаживает личную жизнь? Или еще что-то?

– Мне все равно, – пробормотала Рина и сложила руки на груди.

Но Игорь сообразил, что она лукавит. Ему, наверное, стоило сказать что-нибудь напоследок, дать понять, что она может быть с ним откровенной и поделиться тревогами и переживаниями, но громкоговорители неожиданно оповестили приунывших пассажиров о том, что начинается посадка на рейс, совершающий перелет из Москвы в Сочи.

– Наконец-то! – облегченно выдохнула Рината и, встав, посмотрела на Игоря.

Долгая дорога осталась позади, теперь же перед ними была лестница. И каждая преодолеваемая ступенька приближала их к Олимпу. К мечте. К той жизненной цели, которую они по праву считали своей.

Сочи, декабрь 2013 года

После прилета в Сочи фигуристов сразу отвезли в отель. На этот раз обошлось, слава богу, без задержек и вскоре вымотанную долгим ожиданием рейса сборную расселили по номерам.

Рината недовольно вертела в руках ключ-карту от номера, в котором ей предстояло жить вместе с Алисой Решетниковой.

– Увы, остальные спортсмены уже прилетели и расселились. Мы последние, – терпеливо объяснила Алла, раздавая ключи молодым людям.

– Ты можешь устроиться с Титовой, – негромко хмыкнул Игорь, за что был награжден красноречивым взглядом партнерши.

Он был вообще очень весел, но до тех пор, пока Богославская не выдала и ему ключ от номера:

– Триста двадцатый.

Самойлов, проходивший мимо с чемоданом, презрительно фыркнул.

Проводив его и Алису недовольным взглядом, Игорь повернулся к Алле и заявил:

– Меня это не устраивает.

– В таком случае можешь взять любой другой номер. Если, конечно, остались свободные, – устало проговорила Богославская и, бросив в карман ключ-карту от своей комнаты, позволила Миронову подхватить ее багаж. – Спасибо, Жень, – улыбнулась Алла, и они отправились к лифтам.

Возмущению Ринаты не было предела, но, наткнувшись на предупреждающий жест Игоря, она предпочла оставить неприятные мысли при себе. В холле они остались одни. Глава Федерации и новоиспеченный пресс-секретарь даже не поехали с ними в гостиницу, а отправились напрямик на стадион.

– Нам нужен отдельный номер, – мельком глянув на Рину, Игорь уверенным шагом направился к стойке ресепшен.

Рассудив, что мужчины существуют как раз для того, чтобы бороться с трудностями, Рината уселась на широкий мягкий диван из белой кожи и взяла лежавший на столике журнал. На обложке была фотография Титовой с Князевым, а заголовок гласил: «Главная надежда сборной России».

Покусав губы, Рина бросила журнал обратно и, перекинув ногу на ногу, откинулась на спинку дивана. Отель, в который их заселили, относился к гостиничному комплексу, построенному к Олимпиаде. От всего здесь пахло новизной и свежестью. Поверхность стеклянного столика отражала свет ламп, ковер казался таким чистым, словно его положили за минуту до приезда фигуристов. Рината лениво, из-под полуопущенных ресниц, осмотрела светлые стены, свисающие с карниза тяжелые шторы, убегающую вглубь холла дорожку серебристо-черного мрамора. Что ж, неплохо...

Минуты через три, сверкая улыбкой, вернулся Игорь.

– Люкс подойдет? – Парень помахал карточкой, и Рината довольно улыбнулась.

– Вполне, – она встала и, шагнув к нему, поцеловала в губы, одновременно выхватив ключ-карту. – Чемодан несешь ты!

Едва Игорь потянулся, чтобы обнять ее и прижать к груди, как Рината ловко увернулась и вприпрыжку побежала в сторону лифтов.

Люкс находился на том же этаже, что и номера, выкупленные Федерацией, только в конце коридора. Пока лифт ехал вверх, Игорь беззастенчиво поглаживал Рину по соблазнительным выпуклостям ягодиц и с трудом сдерживал самодовольную ухмылку. Стоило створкам раздвигаться, как из триста двадцатого номера, расположенного напротив, вышел Макс. Попытался

сделать вид, что не заметил парочку, но в коридоре шириной не более трех метров это оказалось весьма проблематично. Затормозив, пропустил соперников вперед и с мрачным видом насупился. Игорь, держа в каждой руке по чемодану, покорно шел за Ринатой, плавно покачивающей бедрами в такт легким уверенным шагам.

Обернувшись, она улыбнулась и подмигнула Максусу:

– Ты и твоя крошка будете совершенно одни. Не уппусти шанс, Самойлов, – послала ему воздушный поцелуй и снова пошла вперед.

Бедра ее, казалось, стали раскачиваться еще соблазнительнее, а высокий хвост, словно подразнивая, колыхался из стороны в сторону. Остановившись возле нужной двери, она вставила в замок ключ-карту и тихо засмеялась, шутливо отпихивая Игоря с порога. До Макса донеслись отзвуки ее звонкого голоса. Через несколько секунд дверь захлопнулась, и коридор погрузился в тишину, нарушаемую лишь далеким бормотанием телевизора.

Немного подумав, Макс решил воспользоваться советом и, нацепив на лицо обольстительную улыбку, граничащую с усмешкой, добрался до комнаты, в которую поселили Алису. Если обстоятельства складываются подобным образом, почему бы и впрямь ими не воспользоваться?

Лениво постучав, он привалился плечом к стене и, когда Алиса, успевшая переодеться в растянутую домашнюю кофту, появилась на пороге, выдал:

– Наши соседи решили снять отдельный номер.

– И?.. – выгнув брови, поинтересовалась она.

– А значит... – Макс прошелся пальцами по ее длинным, вьющимся крупными кольцами волосам, остановился на груди и нежно погладил. – Мы предоставлены сами себе, и нам никто не помешает.

Но Алиса вовсе не разделяла игривого настроения партнера.

Смерив Макса осуждающим взглядом, скинула его ладонь и резко сказала:

– У нас на носу важнейший старт. Нужно быть готовыми на двести процентов. Если ты еще не понял, то Ипатова с Крыловым нам место в олимпийской сборной без боя не отдадут, поэтому, будь добр, вали отсюда!

– Ясно, – мигом посерьезнел Макс. От расслабленности не осталось и следа, самодовольство, сквозившее во взгляде секунду назад, сменилось решимостью и непоколебимой уверенностью в собственных силах. – Мы их обойдем.

– Для этого надо работать, Макс, – Алиса опустила глаза, многозначительно посмотрев на ширинку Самойлова. – Только не тем местом, которым ты обычно думаешь, – она подняла взгляд к его лицу. – Сосредоточься на соревнованиях, на кону Олимпиада, и я намереваюсь туда попасть.

– А я просто так в Сочи прохлаждаюсь! – рыкнул Самойлов, начиная злиться. – Ты, Решетникова, не подарок, а после перелетов в настоящую стерву превращаешься, – процедил он и, не прощаясь, развернулся и направился к себе. Испортить настроение? Любим, умеем, практикуем.

* * *

Решение устроить предолимпийский чемпионат России в Сочи, на стадионе, где совсем скоро предстояло развернуться настоящей битве за медали Олимпиады, было логичным. А место проведения существенно повлияло на количество проданных на соревнования билетов. Ожидалось, что двенадцатитысячник будет заполнен меньше чем наполовину. Однако для истинных ценителей фигурного катания, съехавшихся сюда из разных уголков страны, пункт назначения стал не только не помехой, но и дополнительным стимулом, возможностью увидеть застывший в ожидании начала грандиозного события Олимпийский парк, главный стадион

«Фишт», площадь, где предстояло расположиться «Медалс Плаза»... словом, приблизиться к сосредоточью эмоций, в том числе и к локации для награждения победителей и призеров.

Все это дополняло чемпионат России по фигурному катанию, придавало ему особый лоск, ощущение исключительности. Казалось, в воздухе витает предвкушение чего-то огромного, неспособного уместиться в тысячу фраз и в то же время заключающегося в одном слове – Олимпиада.

Борьба за места в сборной ожидалась нешуточная, а в соревнованиях спортивных пар – и подавно. На три места претендовали по меньшей мере шесть пар, среди которых выделялась лишь одна – действующие чемпионы мира – Анна Титова и Матвей Князев. Именно они были лицом соревнований – афиши с их фотографиями украшали город, и именно на них как на сильнейшую пару России делалась ставка. Но зрителей интересовало и противостояние Алисы Решетниковой и Ивана Устинова, некогда выступавших вместе, а ныне ставших непримиримыми соперниками. А вишенкой на торте стали темные лошадки: вторая пара Аллы Богославской. Болельщики сгорали от любопытства, желая собственными глазами увидеть, что смогут показать некогда отличные фигуристы-одиночники, сумеют ли воплотить в жизнь заветную мечту.

Рината ненавидела шумиху, поэтому всячески избегала скопления журналистов. Она понимала, что фигурист – личность публичная, и чем успешнее ты выступаешь, тем больше от тебя хотят: интервью, съемки телепередач, и снова бесконечные интервью... Но она уже проходила через популярность четыре года назад. Тогда за ней по пятам бегала толпа представителей СМИ и писак, едва способных отличить прыжок от вращения, а федеральный канал снимал каждый ее шаг: вот Рината вышла на тренировку, тут она прыгнула каскад из двух сложнейших прыжков, а здесь чисто приземлила тройной аксель. Повышенное внимание отвлекало, сбивало, не давало сосредоточиться на действительно важном. Ей заранее нацепили корону, но ноша оказалась неподъемной. И теперь Рина была полна решимости сделать все по-иному. Да и сама она уже стала другой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.